

РЕПРЕЗЕНТАЦИЯ ПОЛИТИЧЕСКИХ ИНСТИТУТОВ В ПАМЯТНИКАХ РУССКОЙ ИСТОРИЧЕСКОЙ КНИЖНОСТИ XVI В.: ПРАВЛЕНИЕ ЕЛЕНЫ ГЛИНСКОЙ

Аннотация: В статье рассматривается вопрос о репрезентации правления Елены Глинской в памятниках русской исторической книжности XVI в. Автор изучает упоминания о великой княгине в русских летописях и исторических трактатах, появившихся в указанный период, а также анализирует представления о взаимоотношениях государыни с другими политическими институтами – боярской думой и удельными князьями. В статье рассматривается образ правления Глинской в таких памятниках, как Повесть о смерти Василия III, Воскресенская летопись, «Летописец начала царства», Лицевой свод, Новгородский свод 1539 г., Хронографическая летопись и др. В результате их исследования были сделаны следующие выводы. Во-первых, в памятниках русской исторической книжности XVI в. отсутствует единое мнение о регентстве великой княгини. Оценки разнятся от положительных до резко отрицательных. Во-вторых, в летописях московского происхождения подчеркивается, что Елена получила власть сразу после смерти Василия III в соответствии с последней волей государя. Автор признает данную версию мистификацией, которая возникла в 30-е гг. в высших кругах московской политической элиты, опасавшейся, что к власти в столице придет один из дядей малолетнего великого князя Ивана IV (Юрий Дмитровский или Андрей Старицкий). Московское боярство не имело всеобщей поддержки, чем могли воспользоваться удельные князья. С целью укрепить свое положение вельможи стремились противопоставить им великую княгиню как дееспособную правительницу. В заключение автор отмечает, что правление Глинской стало важным сюжетом русской историографии XVI в. В силу различных

причин книжники обращались к переосмыслению событий 30-х гг. XVI в. даже после смерти государыни.

Ключевые слова: Елена Глинская, боярская дума, удельные князья.

§1. Историография проблемы

Среди великих княгинь Московской Руси особое место занимает Елена Глинская, приходившаяся супругой Василию III. Она стала женой государя при непростых обстоятельствах (первый брак Василия с Соломонией Сабуровой был расторгнут по причине ее бездетности), родила ему двух сыновей – Ивана и Георгия и рано овдовела. Великий князь умер в 1533 г. Новым правителем стал старший сын государя Иван. Однако последнему едва исполнилось три года, и его правление носило номинальный характер. Обстоятельства сложились таким образом, что власть в стране оказалась в руках его матери, которая выполняла функции регента при малолетнем великом князе. Короткому правлению Елены Глинской, продолжавшемуся до ее смерти в 1538 г., посвящена обширная историография¹. В своих построениях исследователи опирались прежде всего на памятники исторической книжности. Именно русские летописи, исторические повести и трактаты заложили основу существующих представлений о рассматриваемом периоде. Поэтому крайне важно понять, каким образом интеллектуалы XVI в. формировали представления о короткой, но весьма важной

¹Наиболее подробно труды, посвященные Е. Л. Глинской, охарактеризованы в книге: Юрганов А. Л. Политическая борьба в годы правления Елены Глинской. М., 2019. С. 12-28. Данное издание представляет собой публикацию кандидатской диссертации автора, защищенной в 1987 г.

исторической эпохе, продолжавшейся с 1533 г. по 1538 г. В настоящей статье мы попытаемся проследить эволюцию представлений о правлении Елены Глинской в русской исторической книжности XVI в.

Изучая первые годы великого княжения Ивана IV и регентство его матери, исследователи обращались к памятникам русского летописания, имея в виду, однако, решение прикладных задач. В новейшей историографии ситуация изменилась. В частности, вопрос о репрезентации политического статуса в русских летописях затронул А. Л. Юрганов. Исследователь обратил внимание на то обстоятельство, что с определенного момента для обозначения положения Елены Глинской как регента при малолетнем государе Иване IV в источниках используется особая формулировка, которую ученый предложил называть «формулой регентства». Последняя, по его мнению, имела ограниченное распространение. Она присутствует в летописях и некоторых документах официального и полуофициального характера, однако не встречается в публично-правовых актах и документах, связанных с внешней политикой государства². А. Л. Юрганов отмечает, что в памятниках русского летописания политический статус Елены Глинской оценивался неоднозначно. В новгородских летописях формула регентства появляется лишь с сообщений за осень 1534 г. В Вологодско-Пермской летописи она возникает лишь в сообщении о мятеже Андрея Старицкого (1537 г.). В Воскресенской летописи формулировка, фиксирующая статус Елены Глинской как соправительницы своего сына, появляется в первых же сообщениях после смерти Василия III³. В «Летописце начала царства» формула приобретает новые черты. Елена Глинская в нем именуется государыней⁴. А. Л. Юрганов отмечает, что формулировка, близкая к используемой в «Летописце начала царства», присутствует в письмах на имя государя и

великой княгини. На этом основании исследователь делает вывод, что «формула не была фикцией, выдумкой летописца; она реально существовала, хотя имела свои ограничения»⁵. По мнению ученого, формулировка окончательно сложилась к августу 1534 г., когда в Литву бежали Семен Федорович Бельский и Иван Васильевич Ляцкий, что привело к серии опал в Москве. 19 августа был арестован опекун царя М. Л. Глинский. Таким образом, в августе 1534 г. в политической борьбе верх взяла группировка, которую возглавляла великая княгиня Елена⁶. В последующие годы формула не менялась, однако возник самостоятельный титул – «государыня великая княгиня Елена», отразившийся прежде всего в летописной статье «Летописца начала царства» за 1535 г. «О Шигалее царе»⁷.

Ряд критических замечаний относительно концепции А. Л. Юрганова сформулировал М. М. Кром. Прежде всего, исследователь предложил называть «формулу регентства» иначе – «формулой соправительства». По мнению М. М. Крома, гипотеза А. Л. Юрганова о возникновении подобной формулировки в результате событий августа 1534 г. выглядит вполне правдоподобной, однако процитированные исследователем летописные памятники едва ли могут рассматриваться как надежная основа для того, чтобы ее датировать. В особенности это относится к «Летописцу начала царства». Его составитель интерпретировал властные полномочия Елены Глинской как выполнение последней воли Василия III, который якобы приказал своей супруге «престол области державствовать скипетр великия Руси до возмужения сына своего» и возложил на нее «все правление великого государства»⁸. Поэтому, рассматривая политический статус Елены Глинской, М. М. Кром обращается прежде всего к документам эпохи. Исследователь отмечает, что власть Елены

⁵ Там же. С. 81.

⁶ Там же. С. 84—85.

⁷ Там же. С. 91.

⁸ Кром М. М. «Вдовствующее царство»: политический кризис в России 30—40-х годов XVI века. СПб., 2010. С. 121.

² Юрганов А. Л. Политическая борьба в годы правления Елены Глинской. С. 75.

³ Там же. С. 77—78.

⁴ Там же. С. 78.

Глинской держалась на двух основаниях: на последней воле ее мужа и на родстве с нынешним государем. При этом сама Елена Васильевна, по-видимому, источником своих полномочий считала последнюю волю («приказ») покойного мужа. Данная версия стала основной в официальном летописании («Летописец начала царства», Воскресенская летопись)⁹. При этом в государственных делах, по мнению М. М. Крома, сохранялась четкая грань между государем как единственным легитимным правителем и великой княгиней. Елена Глинская не принимала участия в дипломатической деятельности. Во внутренних делах она также была ограничена. В частности, все официальные документы выдавались от имени государя. По мнению М. М. Крома, сферой деятельности Елены Глинской был контроль над придворной элитой. Исследователь пишет: «Придворная среда, расколота местническими противоречиями, нуждалась в верховном арбитре. Эту роль взяла на себя великая княгиня»¹⁰.

Таким образом, А. Л. Юрганова и М. М. Крома прежде всего интересовал вопрос о политическом статусе Елены Глинской. Памятники русской исторической книжности они рассматривали в контексте решения данной проблемы. При этом если А. Л. Юрганов считал, что летописи отразили эволюцию реального политического статуса Елены Глинской в 30-е гг. XVI в., то М. М. Кром относился к ним скептически и видел в них, прежде всего, попытку интерпретации определенного комплекса исторических сюжетов. Непосредственно к вопросу об образе первой русской правительницы в памятниках русского историописания обратился В. В. Шапошник. В заключительной части своей монографии «Придворная борьба в русском государстве 30-х годов XVI века» ученый анализирует вопрос об отражении правления великой княгини в «нарративных источниках» (среди них он рассматривает не только памятники историографии XVI в., но также посольские

книги). Исследователя интересовали оценки, которые давали правлению Елены Глинской источники. Кроме того, В. В. Шапошник попытался ответить на вопрос: воспринималась ли великая княгиня как законная правительница?¹¹ Исследователь делит нарративные памятники на две категории: источники официального и неофициального происхождения. К первому типу он относит Повесть о смерти Василия III, Воскресенскую летопись, «Летописец начала царства», Степенную и Царственную книги. Исследователь отмечает, что в Воскресенской летописи решения принимались великим князем и великой княгиней иногда после совещания с боярами. В. В. Шапошник пишет: «Если учесть, что великий князь был еще ребенком, вполне может быть, что сам он даже не присутствовал при принятии некоторых решений. Очевидно, что от его имени (и от своего) выступала сама Елена Глинская»¹². «Летописец начала царства» является памятником позднейшим и оценивает деятельность Елены Глинской с большим пиететом. В. В. Шапошник комментирует известия «Летописца» о приеме царя Шигалея, а также о монетной реформе. Исследователь пишет, что, согласно тексту, решение о финансовых преобразованиях было принято совместно великим князем и великой княгиней, однако их реализация была проведена самой Еленой (Иван IV во второй части сообщения не упомянут)¹³. Резюмируя свои наблюдения, В. В. Шапошник приходит к выводу: «Видно, что для Летописца начала царства Елена Глинская абсолютно законная правительница, занимающая практически такое же место, как и сам великий князь Иван IV»¹⁴. В Степенной книге события изложены кратко, а Царственная книга, по мнению исследователя, «при описании правления Елены Глинской представляет собой нечто

⁹ Там же. С. 128.

¹⁰ Там же. С. 136.

¹¹ Шапошник В. В. Придворная борьба в русском государстве 30-х годов XVI века. СПб., 2020. С. 232.

¹² Там же. С. 234.

¹³ Там же. С. 235.

¹⁴ Там же.

среднее между Воскресенской летописью и Летописцем начала царства»¹⁵. С одной стороны, ее имя всячески превозносится в Повести о смерти Василия III, а с другой – в известии о ее кончине отсутствуют упоминания о том, что она правила страной¹⁶. Ниже исследователь отмечает: «При составлении Царственной книги были явно использованы и Воскресенская летопись, и Летописец начала царства. Елена Глинская в ней – законная соправительница сына, но ее роль в ряде случаев рисуется без той доли самостоятельности, которая зафиксирована в Летописце»¹⁷. Среди неофициальных памятников В. В. Шапошник рассматривает летописные записи Марка Левкеинского, краткий Кирилло-Белозерский летописец, Повесть о поимании Андрея Старицкого, Псковскую I и III летописи, Новгородскую II летопись, Новгородскую летопись по списку Н. К. Никольского, Продолжение Хронографа 1512 г. (Хронографическую летопись), Постниковский и Пискаревский летописцы, а также литературное наследие А. М. Курбского. В список «неофициальных» памятников попала также Новгородская летопись по списку П. П. Дубровского (Новгородский владычный свод 1539 г.). Обо всех вышеперечисленных произведениях исследователь пишет лишь в самых общих чертах. Сопоставив изложение в «официальных» и «неофициальных» нарративных памятниках, В. В. Шапошник приходит к следующему выводу: «Если официальные и близкие к ним летописи относятся к ее правлению как к абсолютному законному (и явно положительному), то значительная часть независимых от властей источников хотя и признает сам факт правления великой княгини Елены, но неявно оценивает как “сомнительный” и “несправедливый” характер некоторых ее действий – арестов и опал»¹⁸.

Некоторые выводы исследователя могут быть уточнены или скорректированы, однако на вопрос о том, воспринималась

великая княгиня как законная правительница, ученый ответил. В настоящей работе мы пойдем дальше и попытаемся определить, каким образом древнерусские книжники изображали взаимоотношения великой княгини с другими политическими силами государства. Решение данной проблемы требует совершенно иного подхода к изучению исторического материала, отличающегося от предложенного В. В. Шапошником. Нам будет необходимо проанализировать, каким образом русские летописцы интерпретировали связи между великой княгиней и другими политическими институтами Великого Княжества Московского. Иными словами, мы будем рассматривать не столько образ Елены Глинской, сколько представления о ее правлении как о едином сюжете. В этой связи считаем необходимым сделать одну оговорку. Дело в том, что период, когда вдова Василия III находилась у власти, не выделяется в древнерусской исторической книжности как отдельная эпоха и рассматривается лишь в контексте более масштабного правления Ивана IV. Поэтому границы и характер правления Елены Глинской не всегда очерчены в летописях с достаточной степенью ясности. В одних известиях она упоминается как инициатор важных государственных решений, в других – сведения о ней отсутствуют, а источником власти выступает лишь великий князь Иван Васильевич. Чтобы понять, каким образом каждый отдельный хронист интерпретировал ее полномочия и компетенцию, нам необходимо будет проанализировать весь комплекс упоминаний о великой княгине в памятниках русской исторической книжности XVI в.

§2. Елена Глинская в Повести о смерти великого князя Василия Ивановича

Впервые политическое положение Елены Глинской после кончины мужа было охарактеризовано в пространной Повести о смерти Василия III. Исследователи сходятся во мнении, что ее текст был написан очевидцем событий. Памятник отразился в

¹⁵ Там же. С. 236.

¹⁶ Там же.

¹⁷ Там же. С. 241.

¹⁸ Там же. С. 242.

составе Новгородского владычного свода 1539 г.¹⁹, т. н. Ростовской летописи²⁰, Софийской II²¹ летописи, Постниковского²² летописца, Летописного свода 1584 г. (Рогозинского летописца)²³, а также в августовских томах Успенского²⁴ и Царского²⁵ комплектов Великих Миней Четых. К вышеперечисленным спискам следует добавить списки в составе рукописей РНБ. F.XVII.23²⁶ и РГБ. Музейное собр. 2913²⁷. Повесть оказала существенное влияние на историческую книжность. Ее текст был использован составителем Царственной книги (заключительного тома Лицевого летописного свода, о котором речь пойдет ниже) и Александро-Невской летописи²⁸.

Списки памятника хранились в кремлевских книжных собраниях. Сама Повесть послужила источником Лицевого свода, созданного в окружении Ивана IV. Представляется, что вышеизложенные факты можно рассматривать как достаточное основание для того, чтобы связать ее с московской великокняжеской традицией. Памятнику посвящена обширная

историография. Вместе с тем многие вопросы, касающиеся истории ее текста, по-прежнему остаются дискуссионными. В частности, в научной литературе высказывались различные суждения относительно первоначального текста Повести. А. А. Шахматов считал, что текст в Новгородской летописи по списку П. П. Дубровского первичен по отношению к Софийской II летописи (Постниковский летописец был ему не известен)²⁹. Более осторожен в своих умозаключениях был А. Е. Пресняков, писавший, что ни один из списков памятника не отражает его первоначального текста³⁰. К точке зрения А. А. Шахматова присоединился А. А. Зимин³¹. С. А. Морозов также считал, что текст в Новгородской летописи по списку П. П. Дубровского первичен по отношению к Софийской II летописи и Постниковскому летописцу³². Противоположной точки зрения придерживались Х. Рюс и Р. Г. Скрынников, которые независимо друг от друга пришли к выводу, что обращение великого князя Василия к князю Д. Ф. Бельскому с «братией» является позднейшей вставкой, произведенной в Новгородской летописи по списку П. П. Дубровского³³. По мнению Р. Г. Скрынникова, Постниковский летописец лучше всего отражает первоначальный текст памятника³⁴. В новейшей историографии к тексту Повести обратился М. М. Кром, который пришел к выводам, сходным с умозаключениями А. Е. Преснякова. При этом исследователь отметил, что версии Постниковского летописца/Софийской II летописи содержат следы редакционной

¹⁹Новгородская летопись по списку П. П. Дубровского // ПСРЛ. М., 2004. Т. 43. С. 224—234.

²⁰Шахматов А. А. О так называемой Ростовской летописи // ЧОИДР. 1904 г. М., 1904. Кн. I. С. 118—142.

²¹Софийские летописи // ПСРЛ. Т. 6. СПб., 1853 (далее — ПСРЛ. Т. 6). С. 266—276.

²²Постниковский, Пискаревский, Московский и Бельский летописцы // ПСРЛ. Т. 34. М., 1978. С. 1724.

²³РГАДА. Ф. 181. Собрание МГАМИД. № 351/800. Л. 488 об.—499 об.

²⁴ГИМ. Синодальное собр. 997. Л. 1550—1562 об.

²⁵ГИМ. Синодальное собр. 183. Л. 792—801 об.

²⁶Список поздний, конца XVII в. Повесть помещена в заключительной части рукописи на л. 566—573 об. По своим текстологическим особенностям Повесть в ее составе близка к тексту Великих Миней четых. Текст сокращен, а окончание его отсутствует (утрачено?).

²⁷Тихомиров М. Н. Краткие заметки о летописных произведениях в рукописных собраниях Москвы. М., 1962. С. 29—30.

²⁸О тексте Повести в составе указанных памятников см.: Морозов С. А. Повесть о смерти Василия III и русские летописи // Теория и практика источниковедения и археографии отечественной истории. М., 1978. С. 61—77.

²⁹Шахматов А. А. О так называемой Ростовской летописи. С. 58—59.

³⁰Пресняков А. Е. Завещание Василия III // Сборник статей по русской истории, посвященных С. Ф. Платонову. Пг., 1922. С. 74.

³¹Зимин А. А. Россия на пороге нового времени. М., 1972. С. 390.

³²Морозов С. А. Летописные повести по истории России 30—70-х гг. XVI в. Дисс. на соиск. уч. ст. к.и.н. М., 1979. С. 24—30.

³³Rieß H. Dmitriy F. Belskiy // FOG. Berlin, 1986. Bd. 38. S. 173—177; Скрынников Р. Г. Царство террора. СПб., 1992. С. 82—83.

³⁴Скрынников Р. Г. Царство террора. С. 82—83.

правки. Редактирование текста в Новгородской летописи по списку П. П. Дубровского отличается особой тенденциозностью. Составитель последней устранил подробности, не соответствовавшие, по его мнению, канонам житийной литературы. Кроме того, руководствуясь местническими интересами, редактор стремился принизить роль одних лиц (в частности, дьяка Ф. Мишурина) и подчеркнуть доверие великого князя к другим (старцу М. Сукину, братьям Бельским). Редактор Новгородской летописи по списку П. П. Дубровского не был очевидцем описываемых событий, плохо знал придворную среду, допускал частые ошибки в именах и титулах упоминаемых лиц. Резюмируя свои выводы, М. М. Кром пишет: «Любые наблюдения над текстом Повести должны обязательно основываться на сопоставлении всех трех списков»³⁵.

В Повести с высокой степенью детализации изложена предсмертная воля великого князя. Данное обстоятельство имеет особое значение, поскольку завещание Василия III не сохранилось³⁶. В тексте оговаривается положение Елены Глинской. В изложении последней воли великого князя относительно его супруги списки Повести не содержат существенных разночтений. Первый раз о великой княгине сообщается в тексте прощания Василия III с женой и сыновьями. Великий князь благословляет своего сына Ивана крестом митрополита Петра, после чего к нему приводят супругу, которая спрашивает государя: «Государь

князь велики! На кого меня оставляеши, и кому государь, дети приказываеши?». Василий Иванович отвечает ей: «Благословил еси сына своего Ивана государствомъ великим княжениемъ, а тебе еси написал въ духовной своей грамоте, как в прежних духовных грамотех отец наших и прародители, по достоянию, как прежнимъ великимъ княгинямъ»³⁷. Из содержания данного отрывка следует, что Василий III наделил властью лишь своего сына. Ниже по тексту в Повести читается: «А у него оста Михаило Юрьев, да князь Михаило Глинской, да Шигона, и быша у него до самыя ночи, и приказав о своей великой княгине Елене, како ей без него быти и какъ к ней бояромъ ходити, и о всемъ имъ приказати, како без него царству строитися»³⁸. По мнению М. М. Крома, трое вышеперечисленных вельмож составили регентский совет, который управлял страной в течение нескольких месяцев. Исследователь называет их душеприказчиками Василия III³⁹. Комментируя процитированное высказывание, В. В. Шапошник пишет: «Итак, какая-то роль Елене Глинской отводилась – к ней должны были ”бояре ходить” – однако едва ли это была реальная политическая власть»⁴⁰. Ниже исследователь отмечает, что Повесть о смерти Василия III не дает оснований для предположения о передаче великой княгине полной власти. Из текста следует, что она должна была стать главой великокняжеской семьи и играть некую роль в политике. При этом исследователь отмечает, что, согласно Повести, удельные князья и члены двора целовали крест не только Ивану IV, но и Елене Глинской. В. В. Шапошник пишет также, что полный текст Повести не вошел в состав официальных летописных сводов, поскольку на ее основе трудно сделать выводы о полной легитимности власти великой княгини⁴¹. С указанными суждениями следует согласиться. Вместе с

³⁵ Кром М. М. Вдовствующее царство. С. 55.

³⁶ По мнению А. Е. Преснякова, духовная Василия III была уничтожена еще в годы малолетства Ивана IV, поскольку ее содержание противоречило интересам боярства (Пресняков А. Е. Завещание Василия III. С. 76). Данная гипотеза не согласуется с тем обстоятельством, что вплоть до 70-х гг. XVI в. в документах встречаются ссылки на завещание Василия III (Зимин А. А. Княжеские духовные грамоты начала XVI в. // Исторические записки. 1948. Т. 27. С. 284; Смирнов И. И. Очерки политической истории русского государства 30–50-х годов XVI века. М.; Л., 1958. С. 25, примеч. 25). Кроме того, список князей и бояр, упомянутых в духовной грамоте Василия III, помещен в дополнительных статьях к Новгородской летописи по списку П. П. Дубровского (ПСРЛ. Т. 43. С. 261).

³⁷ ПСРЛ. Т. 43. С. 229.

³⁸ Там же. С. 229.

³⁹ Кром М. М. «Вдовствующее царство». С. 70–71.

⁴⁰ Шапошник В. В. Придворная борьба в русском государстве 30-х годов XVI века. С. 233.

⁴¹ Там же. С. 240–241.

тем считаем необходимым внести в них некоторые уточнения и обратить внимание на одну особенность изложения материала в Повести о смерти Василия III. Рассматриваемый памятник максимально подробно излагает события, связанные с кончиной государя. Подобная фактографическая скрупулезность представляет большой интерес для исследователей. Вместе с тем характеристика политических институтов в данном памятнике оказывается весьма размытой. Многие высказывания автора Повести невозможно интерпретировать однозначно. В частности, не вполне понятно, какая роль отводилась Юрьеву, Шигоне и Глинскому? Предположение М. М. Крома о том, что они были душеприказчиками государя и сформировали своеобразный регентский совет, текстом напрямую не подтверждается⁴². Столь же неоднозначно охарактеризован в Повести и политический статус великой княгини. Прежде всего возникает вопрос: если вдова не получала каких-либо полномочий в области управления страной, почему Василий III обсуждал со своими «душеприказчиками», «как к ней бояромъ ходити»? И с какой целью бояре должны были посещать Елену Глинскую? Однозначного ответа на эти вопросы мы в тексте не находим. А между тем они имеют большое значение для понимания статуса великой княгини. В Повести сообщается, что митрополит Даниил привел к присяге великому князю и великой княгине удельных князей, бояр, детей боярских и княжат: «Тогда же Даниль митрополит вземъ братию великого князя Юрья и князь Ондreja Ивановичев, в переднюю избу, приведе их ко крестному целованию на томъ, что имъ служити великому князю Ивану Васильевичу всея Руси и его матере великой княгине Елене, а жити имъ на своих уделех, а стояти имъ в правду, на чемъ целовали крестъ великому князю Василью Ивановичю всеа Руси и крепости промежу ими с великим князем

Васильем, а государства имъ под великимъ княземъ не хотети, ни людеи имъ от великого князя к собе не отзывать, а противу недругов великого князя и своих, латынства и бесерменства, стояти имъ прямо воопчи за один. И бояр и боярских детей, и княжат на томъ же приведе ко крестному целованию, что имъ хотети добра великому князю Ивану Васильевичю всея Руси и его матере великой княгине Елене, и всеи земли хотети имъ добра въ правду, и отъ недруговъ великого князя и всея земли, отъ Бесерменства и отъ Латынства, стояти вопче за одинъ, а иного государя мимо великого князя не искати»⁴³. Данное действие не противоречило существовавшему в Великом Княжестве Московском политическим традициям и не может рассматриваться само по себе как свидетельство наделения Елены Глинской какими-либо полномочиями. Великие княгини упоминались в крестоцеловальных записях, которые давали подданные великим князьям наряду со своими мужьями и детьми⁴⁴. В верности клялись всей семье. Однако в условиях, когда правитель был дееспособен, присяга его жене не наделяла ее какими-либо дополнительными полномочиями. Решения относительно участи нарушителей клятвы принимал государь. Иная ситуация складывалась в условиях, когда великий князь умирал, оставив несовершеннолетних наследников. В этом случае полномочия главы семьи переходили к его вдове, которая именовалась «матерой вдовой»⁴⁵. Она должна была принимать решение относительно судьбы нарушителя присяги. В подобном положении находилась и великая княгиня Елена Глинская. Фактически за выполнение клятвы

⁴³ ПСРЛ. Т. 43. С. 231.

⁴⁴ См.: Собрание государственных грамот и договоров, хранящихся в Государственной Коллегии иностранных дел (далее – СГГД). М., 1813. Ч. 1. № 154 (Запись князя Ивана Михайловича Воротынского о продолжении службы государю), № 159 (Запись вторичная князя Федора Михайловича Мстиславского о продолжении службы), 162 (Запись Михаила Андреевича Плещеева).

⁴⁵ Забелин И. Е. Домашний быт русских цариц в XVI и XVII столетиях. Кн. 1. М., 2013. С. 7–8.

⁴² Кром М. М. «Вдовствующее царство». С. 79.

удельные князья и бояре несли ответственность именно перед ней. Данное обстоятельство наделяло ее довольно обширными возможностями прежде всего в придворных делах. Представляется, что современники признавали право великой княгини на вмешательство в определенный круг политических вопросов. Иначе как объяснить тот факт, что сразу после смерти Василия III, решая судьбу Юрия Дмитровского, бояре обратились именно к Елене Глинской, а не к «регентскому совету»? Последнее слово было за ней как за главой великокняжеской семьи, которая принимала присягу у своего деверя. Великая княгиня могла не прибегать к своим полномочиям. Однако это был вопрос не формального статуса, а политической воли. Полагаем, что составитель Повести не считал необходимым как-либо обосновывать легитимность полномочий Елены Глинской потому, что указанные особенности ее положения были хорошо ему известны. Вместе с тем автор действительно ни разу не упоминает о том, что власть перешла к ней по указу великого князя.

Хотя Повесть создавалась очевидцем описываемых событий и ее автор, вероятно, входил в окружение великого князя и его семьи, текст был включен не во все памятники московского официального летописания⁴⁶. В частности, памятник не был использован при создании Воскресенской летописи и «Летописца начала царства». Возможно, это отчасти связано с общей размытостью описания политического устройства в Повести. Дело, на наш взгляд, не только в том, что на ее основе было трудно сделать вывод о полной легитимности власти Елены Глинской, как полагает В. В. Шапошник⁴⁷. Правовые основы ее власти были хорошо понятны современникам. Дело в том, что, опираясь на Повесть, сложно было составить однозначное представление о государственном порядке. Уделяя большое

внимание деталям, составитель не смог с достаточной ясностью обозначить политические институты, сформированные в Великом Княжестве Московском после смерти Василия III. В позднейшем историописании данная проблема была решена.

§3. Упоминания о Елене Глинской в Воскресенской летописи

Воскресенская летопись принадлежит к числу ключевых памятников русского летописания XVI в. Книжники рассматривали ее как весьма авторитетный текст. В частности, к ней обращались при составлении столь значимых памятников, как «Летописец начала царства», Летописный свод 1560 г. и Лицевой летописный свод. В настоящее время установлено, что вышеперечисленные произведения создавались кругом лиц, близких к государю. В историографии высказывались различные мнения относительно составителей Воскресенской летописи. Одни исследователи приписывали ее создание окружению митрополита Иоасафа⁴⁸, другие связывали ее появление с лицами, близкими к боярскому роду Шуйских⁴⁹. В контексте настоящего исследования нас будет интересовать заключительная часть Воскресенской летописи, содержащая известия за 1533–1541 гг. Именно в этой части текста помещены статьи, характеризующие правление Елены Глинской. Рассматривая Воскресенскую летопись, В. В. Шапошник обратил внимание на несколько обстоятельств. Во-первых, в памятнике впервые Елене Глинской предписывается править государством до совершеннолетия сына. Во-вторых, великая княгиня отдает распоряжения совместно с Иваном IV. В-третьих, автор описывает события бесстрастно, не дает оценок деятельности Елены Глинской. В целом исследователь отмечает, что в Воскресенской

⁴⁶ Исключение составляет Царственная книга Лицевого летописного свода. В ней, однако, текст Повести был существенно отредактирован.

⁴⁷ Шапошник В. В. Придворная борьба в русском государстве 30-х годов XVI века. С. 241.

⁴⁸ Иконников В. С. Опыт русской историографии. Т. II. Кн. 2. Киев, 1908. С. 1187. Примеч. 5; Клосс Б. М. Предисловие к изданию 2000 года // Летопись по Воскресенскому списку. ПСРЛ. Т. 7. М., 2001. С. [2].

⁴⁹ Левина С. А. О времени составления и составителя Воскресенской летописи XVI века // ТОДРЛ. Т. XI. М.; Л., 1955. С. 379.

летописи властные полномочия великой княгини очерчены гораздо более четко, чем в Повести о смерти Василия III⁵⁰. Вышеизложенные выводы нуждаются в значительном уточнении. В частности, следует заметить, что Елена Глинская фигурирует далеко не во всех сообщениях Воскресенской летописи. Отсюда вытекает вопрос: в каких именно случаях в текст включались упоминания об участии великой княгини в государственных делах? Для того, чтобы ответить на него, рассмотрим весь комплекс упоминаний Елены Глинской в Воскресенской летописи.

1. 7042 г. *Известие о смерти Василия III и вокняжении Ивана IV*. Под 1533 г. в Воскресенской летописи помещен рассказ о кончине великого князя Василия III. Текст более краток, чем Повесть о смерти Василия III. При этом в известии Воскресенской летописи совершенно иначе изложена последняя воля умирающего великого князя. Политический статус Елены Глинской обозначен следующим образом: «А великой княгине Елене приказывает подь сыномь своимь государство дръжати до возмужения сына своего»⁵¹. Саму великую княгиню и своих сыновей государь «приказывает» митрополиту Даниилу и боярам. Бояре, согласно Воскресенской летописи, должны служить Елене Васильевне и Ивану IV, а также беречь «подь нимь его государства Руския земли и всеа христианьства отъ всехъ его недруговъ, отъ бесерменства и отъ латынства и отъ своихъ сильныхъ людеи, отъ обидь и отъ продажъ»⁵². Имена вельмож, которые должны были помогать Елене Глинской в управлении государством, не конкретизируются. Вероятно, речь идет о боярской думе как органе государственной власти. Иными словами, по версии Воскресенской летописи, Елена Глинская должна была править страной при поддержке

митрополита и боярской думы. Оговариваются в известии также и обязательства братьев Василия III, удельных князей Юрия Дмитровского и Андрея Старицкого. Они целовали крест «на томъ, что имь братаничю своему великому князю Ивану добра хотети, и великого княжения подь нимь блюсти и стеречи, а самимь не хотети»⁵³. При этом, по версии Воскресенской летописи, удельные князья не имели права вмешиваться в московские дела.

2. 7042 г. *Известие об аресте Юрия Дмитровского*. В тексте сообщается: «И великаа княгини, берегучи сына своего и земли, приказала боаромь: “Вчера есте крестъ целовали сыну моему великому князю Ивану и добра хотети, и вы по тому и чините; коли является зло, ино бы ся не распространило”. И велела князя Юриа поимати и посадити, оковавъ, за сторожи въ полату, где напередь того князь Дмитриеи Внукъ сидель»⁵⁴. В данном известии Елена Глинская впервые выступает как лицо, которому принадлежит последнее слово в вопросе об определении судьбы Юрия Дмитровского. Вместе с тем интерес представляют слова, вложенные хронистом в уста великой княгини: «Вчера есте крестъ целовали сыну моему великому князю Ивану и добра хотети». Таким образом, отмечается, что удельный князь присягал лишь Ивану Васильевичу; о присяге великой княгини речи не идет. Возможны два объяснения данной ситуации: 1) Юрий Дмитровский не целовал крест Елене Глинской; 2) Юрий Дмитровский целовал крест и Елене Глинской, и Ивану IV, однако упоминания о великой княгини были изъяты из текста, чтобы подчеркнуть политическое значение государя. Первое объяснение представляется нам маловероятным. Как было отмечено выше, великие княгини всегда присутствовали в формулярах крестоцеловальных записей, поскольку присяга давалась не только действующему правителю, но и всей его семье. Кроме того, о целовании креста Елене Глинской упоминается в Повести о смерти Василия III.

⁵⁰ Шапошник В. В. Придворная борьба в русском государстве 30-х годов XVI века. С. 241.

⁵¹ Продолжение летописи по Воскресенскому списку // ПСРЛ. Т. 8. М., 2001 (далее – ПСРЛ. Т. 8). С. 285.

⁵² Там же.

⁵³ Там же. С. 286.

⁵⁴ Там же.

Можно, конечно, предположить, что в последней события были искажены. Однако, на наш взгляд, затруднительно объяснить мотивы подобной мистификации. Мы склоняемся ко второму объяснению, поскольку оно вполне укладывается в общую концепцию Воскресенской летописи. В этой связи хотелось бы отметить, что в известии рассматриваемого памятника о смерти Василия III удельные князья присягают исключительно Ивану IV.

3. 7042 г. *Известие о построении земляного города в Москве*: «Тое же весны, маиа 20, повелениемъ великого князя Ивана Васильевича всеа Руси и его матери великой княгини Елены, зделанъ бысть градъ на Москве земляной по тому месту, где же мыслиль отецъ его князь велики Василей ставити»⁵⁵.

4. 7042 г. *Известие об аресте И.Ф. Бельского и И.М. Воротынского*: «Того же лета, августа, съ службы изъ Серпухова побежали князь Семень Федоровичъ Белскои да оконичей Иван Васильевъ сынъ Лятцкого и съ сыномъ; а советниковъ ихъ, брата княжъ Семенова князя Ивана Федоровича Белского же да князя Ивана Михайловича Воротынского и зъ детми, велель поимати князь велики и мати его великаа княгини и оковавъ за приставы посадити»⁵⁶.

5. 7043 г. *Известие о начале войны с Литвой*: «Въ лето 7043. Князь велики Иванъ Васильевичъ всеа Руси и его мати великаа княгини Елена съветовавъ зъ бояры, чтобы послати Литовские земли въевати за королеву неправду; и велель князь велики у себя быти отцу своему Данилу митрополиту всеа Руси, и сказа отцу своему Данилу митрополиту многи королевы неправды...»⁵⁷.

6. 7043 г. *Известие о прибытии новгородского архиепископа Макария в Москву*: «Тое же зимы, генваря 11, приехалъ къ великому князю Ивану Васильевичю всеа Русии и къ его матери великой княгине Елене изъ ихъ отчины изъ Великого Новагорода богомолецъ ихъ архиепископъ Макарей

поздравлявати государя на великихъ государствехъ»⁵⁸.

7. 7043 г. *Известие о перенесении мощей митрополита Алексия в новую раку*: «Тое же зимы, февраля 11, въ четвертокъ 1 недели поста, князь велики Иванъ Василиевичъ всеа Руси и его мати великаа княгини, съ отцемъ своимъ Даниломъ митрополитомъ всеа Руси и съ епископы певъ молебнаа, и молиша чудотворца Алексеа съ великими слезами аще бы ему угодно было предложити его въ новую раку»⁵⁹.

8. 7043 г. *Известие о монетной реформе*: «Того же месяца марта князь велики Иванъ Васильевичъ всеа Руси и его мати великаа княгини Елена велели переделывати старые денги на новой чеканъ того дея, что было въ старыхъ денгахъ много обрезаныхъ денехъ и подмесу, и въ томъ было христианству великаа тягость; въ старой гривенке было полтретиа рубля, а въ новыхъ гривенкахъ велели делати по три рубли; а подделщиковъ, которые люди денги подделывали и обрезаывали, техъ велели обыскивати, и иные обыскавъ казнили; а старымъ денгамъ впрокъ ходити не велели»⁶⁰.

9. 7043 г. *Известие о строительстве каменного города в Москве возле земляного*: «Того же лета, маиа 16, князь велики Иванъ Василиевичъ всеа Руси и его мати великаа княгини Елена повелели градъ камень ставити подле Земляной городъ»⁶¹.

10. 7043 г. *О направлении воевод против литовских войск на Смоленщину*: «И князь велики Иванъ и его мати великаа княгини Елена, послышевъ то, съветовавъ зъ бояры, и послали въеводъ своихъ съ многими людьми противъ Литовскихъ людей»⁶².

11. 7045 г. *Повесть об аресте Андрея Старицкого*. Елена Глинская неоднократно упоминается в качестве правительницы вместе с государем⁶³. При этом исторические события изложены с позиций московского двора. Сначала

⁵⁵ Там же. С. 288.

⁵⁶ Там же. С. 287.

⁵⁷ Там же. С. 287—288.

⁵⁸ Там же. С. 289.

⁵⁹ Там же.

⁶⁰ Там же.

⁶¹ Там же.

⁶² Там же. С. 290.

⁶³ Там же. С. 292—295.

отмечается: «По диаволу деиству и лихихъ людеи възмущениемъ учиниша велику замятню: начаша вадити великому князю и его матери великой княгине на князя на Ондрея <...> а князю Ондрею сказываютъ на великую княгиню, что хотятъ его поимати»⁶⁴. Одной из причин конфликта стал отказ удельному князю в вотчинах. При этом отмечается, что великий князь и великая княгиня не держали на Андрея Ивановича гнева и не собирались возлагать на него опалу. Однако Старицкий поверил «лихим людям» и учинил мятеж. Он бежал из Старицы и направился к Новгороду, куда прислал грамоты, содержавшие, по версии Воскресенской летописи, следующий текст: «Князь велики малъ, а держать государство боаре. И вамъ у кого служити? И вы едте къ мне служити, а язъ васъ радъ жаловати»⁶⁵. Однако, не достигнув успеха на этом направлении, он заключил договор с московским воеводой Иваном Овчиной. Последний дал ему обещание, что в случае капитуляции Андрей не будет арестован в Москве. В столице, однако, удельный князь был взят под стражу: «И князь великий и его мати великаа княгиня на князя Ивана на Овчину о томъ словесную опалу великую положили, что безъ ихъ веления князю Ондрею правду даль; а князя Андреа велели поимати и въ полату посадити, и тягость на него положили»⁶⁶.

В контексте настоящей статьи нас будет интересовать не соответствие версии Воскресенской летописи действительности, а основные идеи, обозначенные в тексте. Андрей Старицкий в Воскресенской летописи объявлен зачинщиком мятежа. Его жадность, а также доверие «лихим людям» толкнули его на совершение преступных действий. Великий князь и великая княгиня не собирались возлагать на удельного князя опалу, однако вынуждены были заключить его под стражу после «замятни». При этом составитель не считает их ответственными за нарушение клятвы, которую дал Иван Овчина

Андрею Старицкому. Оправданием для великого князя и великой княгини служит то обстоятельство, что воевода не согласовал свои действия с ними.

12. 7046 г. *Сообщение о смерти Елены Глинской*: «В лето 7046, апреля 3, въ среду пятые недели поста, въ 2 часа дни, преставися благовернаго великого князя Василиа Ивановича благоверная великаа княгиня Елена, княже Васильева дщи Лвовчиа Глинского; а положена бысть въ церкви Възнесения Господа нашего Исуса Христа, възле великую княгиню Софию великого князя Ивана Васильевича»⁶⁷. Елена Глинская упоминается как жена Василия III, однако о ее роли в управлении государством ничего не сообщается.

Таким образом, в Воскресенской летописи Елена Глинская неоднократно упоминается как регент при малолетнем государе. Для обозначения ее статуса используется формула регентства, о которой писал А. Л. Юрганов. Однако сообщения об участии Елены Глинской в управлении государством встречаются не на всем протяжении текста. Как видно из приведенного выше обзора, все упоминания о ней сосредоточены под 7042–7043 гг. (гл. 63–67 Воскресенской летописи), а также в повести об аресте Андрея Старицкого. При этом в известиях за 7044 г. (гл. 68, 69) формула регентства не использовалась ни разу. Все указы за этот год приписываются исключительно воле Ивана IV. Даже в сообщении о снятии опалы с царя Шигалея в Воскресенской летописи имя Елены Глинской не упоминается⁶⁸, хотя известно, что она принимала в этих событиях деятельное участие⁶⁹. В нашей предыдущей статье, посвященной истории текста заключительной части Воскресенской летописи, мы попытались объяснить причины данной особенности. На наш взгляд,

⁶⁴ Там же. С. 292.

⁶⁵ Там же. С. 294.

⁶⁶ Там же.

⁶⁷ Там же. С. 295.

⁶⁸ ПСРЛ. Т. 8. С. 291.

⁶⁹ Летописец начала царства царя и великого князя Ивана Васильевича. Александро-Невская летопись. Лебедевская летопись // ПСРЛ. Т. 29. М., 1965. С. 20–23.

основной текст Воскресенской летописи обрывался на 7041 г. Текст за 7042–7049 гг. следует рассматривать как самостоятельный летописец 1533–1541 гг.⁷⁰ Заключительная часть Воскресенской летописи, однако, также не едина. Она представляет собой компиляцию, состоящую из нескольких частей. Первая часть охватывает известия за 7042–7043 гг. Ее текст можно назвать полноценным летописным повествованием. Под 7042–7043 гг. помещен широкий спектр сообщений, касающихся внешней политики, придворной борьбы и ведения военных действий. Здесь присутствуют диалоги, оценки происходящих событий, а Елена Глинская упоминается как лицо, принимающее государственные решения. Составитель этих статей благосклонно относился к боярству. В известии о смерти Василия III он провозгласил бояр главной опорой власти Елены Глинской. В ообщении об аресте Юрия Дмитровского не упомянул об опале, которая постигла Андрея Шуйского и легла пятном на репутацию вельможи. Вторая часть охватывает события 7044 г. Повествование становится более лаконичным, обширные тексты о военном противостоянии с Литвой исчезают. Разрядные росписи воевод также отсутствуют. Кроме того, в этой части повествования Елена Глинская не упоминается как лицо, участвовавшее в управлении государством. Политическая инициатива приписывается великому князю (которому едва исполнилось пять лет). Наконец, третья часть охватывает статьи за 7046–7048 гг. По содержанию это краткие летописные заметки, сосредоточенные исключительно на событиях внутри Московского Кремля. Их составитель, в отличие от автора статей за 7042–7043 гг., не испытывал пиетета по отношению к аристократам. Напротив, под 7047 г. отмечается, что представители семьи Шуйских самовольно расправились с дьяком

⁷⁰Вводя в оборот термин «Летописец 1533–1541 гг.», в настоящей статье мы им пользоваться не будем, поскольку до тех пор, пока данный памятник не обнаружен в рукописях, его существование остается гипотезой. Ниже мы будем использовать понятие «заключительная часть Воскресенской летописи».

Федором Мишуриным и свели с митрополии митрополита Даниила. Присутствует упоминание о смерти Елены Глинской, однако великая княгиня фигурирует как член великокняжеской семьи, а не правительница. Обособленно стоят известия 7045 г. (об аресте Андрея Старицкого) и 7049 г. (о походе Сафа Кирея на Москву). Эти сообщения представляют собой концептуально завершённые памятники русской литературы. Достоверно не известно, были ли они написаны специально для внесения в летописи или имели самостоятельную рукописную традицию. Все части текста могли создаваться в разное время, а работу над ними могли вести разные книжники. Полагаем, что первая часть текста за 7042–7043 гг. была составлена при жизни Елены Глинской. Сообщения за 7044 г. могли быть записаны либо уже после ее кончины, либо работу над ними вел другой хронист, не искушенный в политических коллизиях 30-х гг. XVI в. Дело в том, что сама великая княгиня трепетно относилась к своему положению регента⁷¹. Стремясь максимально

⁷¹В связи с указанным обстоятельством представляется необходимым упомянуть два эпизода. 1) К апрелю 1537 г. отношения между Старицким и Московским дворами достигли высшей точки напряженности. В сложившейся ситуации князь Андрей Старицкий направил два послания, в которых просил не держать на него гнева и объяснял, что не поехал к великому князю по причине болезни. Одно письмо было адресовано великому князю, второе – Елене Глинской. При этом Елену Глинскую он называет государыней (СГГД. М., 1819. Ч. 2. С. 37–38). Однако М. М. Кром отмечает, что «в «речах», адресованных Елене, вновь перечисляются распоряжения великого князя, а его мать если и упоминается в контексте описываемых событий, то только вместе с сыном» (Кром М. М. «Вдовствующее царство». С. 127). Таким образом, значение великой княгини было явно занижено. Вскоре в окружении государыни был подготовлен «Ответ великого князя Василья Ивановича всеа Руси [велики]е княгини Олены княж Ондреву Ивановича боарину князю Федору Дьмитривичу Пронскому да дьяку Варгану Григорьеву» (СГГД. Ч. 2. С. 38–39). В нем Елена Глинская неоднократно ссылается на волю своего мужа как обоснование ее полномочий регента, а также полностью заслоняет фигуру своего сына (Кром М. М. «Вдовствующее царство». С. 127). 2) Елена Глинская принимала у себя хана Шигалея после снятия с него опалы. В «Летописце начала царства» описано ее участие в описываемых событиях (ПСРЛ. Т. 29. С.

расширить свои возможности и полномочия, она едва ли допустила бы подобные нарушения в официальной летописи⁷².

Рассмотрев особенности изложения исторического материала в заключительной части Воскресенской летописи, переходим к общей характеристике упоминаний в ней Елены Глинской. В рассматриваемом памятнике мы впервые сталкиваемся с попыткой обосновать институциональные основы регентства великой княгини. Уже в известии о кончине Василия III умирающий правитель завещает ей «подъ сыномъ своимъ государство дрѣжати до возмужения сына своего». Таким образом, в тексте появляется обоснование властных полномочий Елены Глинской. Она правит в соответствии с последней волей своего мужа. Определяются также границы ее власти (совершеннолетие Ивана IV). В заключительной части Воскресенской летописи расписана целостная концепция государственного устройства, сложившегося после смерти Василия III. Уже в известии о смерти государя отмечается, что бояре и удельные князья клялись в верности великому князю и великой княгине. Главной опорой власти представлены «бояре», т. е. боярская дума. При этом, как было отмечено выше, в отличие от Повести о смерти Василия III, в заключительной части Воскресенской летописи не уточняются

имена вельмож, которым умирающий монарх завещал управление государством. Боярская дума рассматривается в тексте не как группа лиц, а как политический институт. Отдельные вельможи могут выступить против государя и понести наказание (в частности, упоминаются аресты И. Ф. Бельского, И. М. Воротынского и М. Л. Глинского, вина которых не отрицается)⁷³. Однако в целом боярская дума остается одним из столпов государственного управления. Лояльность бояр обеспечивается, согласно заключительной части Воскресенской летописи, во-первых, государевыми пожалованиями, а во-вторых, – клятвой, которую они принесли правителю. Удельные князья, напротив, представлены как главные противники власти. В тексте на передний план выведена их враждебность по отношению к боярству. В беседе с Андреем Шуйским дьяк Юрия Дмитровского Третьяк Тишков заявляет: «Князя Юриа боаре приводили заперши къ целованию»⁷⁴. Андрей Старицкий, как было отмечено выше, в своих грамотах к новгородцам пишет: «Князь велики малъ, а держать государство боаре»⁷⁵. Примечательно, что в тексте ничего не говорится о том, что удельные князья целовали крест великой княгине.

Таким образом, в заключительной части Воскресенской летописи личностному подходу составителя Повести о смерти Василия III противопоставлен подход институциональный. Уже в известии о кончине великого князя с достаточной степенью ясности обозначены основные институты, на которых должно базироваться управление государством: регент в лице Елены Глинской, боярская дума, митрополит Данила. Придворная борьба 30-х гг. XVI в. представлена как противостояние московских властей и удельных князей. Власть Елены Глинской получила правовое обоснование. Сама великая княгиня упоминается как инициатор различных государственных

21—23). Подобный прием противоречил обычаям – касимовского правителя должен был принимать великий князь. Однако Елена Глинская, посоветовавшись с боярами, приняла решение: «Пригоже у нее быти царю, занеже еще великий государь млад, а положение царского скипетра державы великия Русиия все есть богомъ положено на ней и вручено от Бога на сохранение и на соблюдение всего благочестия православия» (ПСРЛ. Т. 29. С. 22). Таким образом, Елена Глинская утвердила свой статус регента и государыни (*Кром М. М. «Вдовствующее царство»*. С. 135). В Воскресенской летописи прием Шигалея описан кратко, а Елена Глинская не упоминается: «Тое же осени, декабря 12, пожаловаль князь велики Шигалеа царя изъ нятства выпустиль, а седель на Белеозере, и опалу свою ему отдадь и очи свои даль ему видети» (ПСРЛ. Т. 8. С. 291).

⁷²Жуков А. Е. К истории текста заключительной части Воскресенской летописи // Вестник Удмуртского университета. Сер. История и филология. Т. 33. Вып. 1. 2023. С. 160—168.

⁷³ ПСРЛ. Т. 8. С. 287.

⁷⁴ Там же. С. 286.

⁷⁵ Там же. С. 294.

мероприятий, что указывает на ее статус государыни до совершеннолетия Ивана IV. Она отдает указы о военных походах, арестах мятежников и строительстве городов. Лишь в известиях о дипломатических контактах с соседними странами Елена не упоминается. Формула регентства используется не на всем протяжении текста. Она присутствует в известиях за 7042–7043 гг. и не используется в известиях за 7044 г. Проблема систематичности упоминаний об участии Елены Глинской была решена в последующих памятниках русского летописания.

§4. Елена Глинская в «Летописце начала царства»

«Летописец начала царства» является одним из ключевых памятников русского летописания эпохи Ивана IV. Повествование в нем начинается 1533 г. известием о смерти Василия III. В первоначальной редакции памятника текст доходит до 1552 г.⁷⁶ В позднейшей редакции списки памятника завершаются разными датами (1556 г., 1558 г., 1560 г.)⁷⁷. Заключительная часть

⁷⁶В историографии принято выделять две редакции «Летописца начала царства». Их различия были охарактеризованы А. А. Зиминим (*Зимин А. А. И. С. Пересветов и его современники. Очерки по истории русской общественно-политической мысли середины XVI века.* М., 1958. С. 39—41). В нашей диссертации наблюдения исследователя были уточнены и получили развитие (*Жуков А. Е. «Летописец начала царства» и русское летописание XVI в.* Дисс. на соиск. уч. ст. к. и. н. СПб., 2016. С. 20—27). Публикацию текста первой редакции см.: ПСРЛ. Т. 29. М., 1965. С. 9—116. Первая редакция представлена списками СПб ИИ РАН. Колл. Археогр. комм. № 244, РНБ. Ф.IV.585, ГИМ. Синодальное собр. 486.

⁷⁷ В рукописи БАН. 32.14.8 (Патриарший список) текст доходит до 1556 г. В сборнике РГАДА. Ф. 201. № 163 (список Оболенского) повествование завершается 1558 г., обрывается на известии о послании к Петру Ивановичу Шуйскому. Заключительная часть годовой статьи отсутствует. В манускрипте Собрания Свято-Пантелеимонова монастыря на Афоне № 33 (Очин-Плещеевский список) текст доходит до 1558 г. и заканчивается посланием александрийского патриарха Иоакима и ответом на него Ивана IV (т. е. годовая статья доведена до конца). В Летописном своде 1560 г. и восходящей к нему Львовской летописи повествование заканчивается 1560 г.

Воскресенской летописи (7042–7049 гг.) послужила его источником, однако ее текст был существенно дополнен и переработан⁷⁸. В отличие от Повести о смерти Василия III и заключительной части Воскресенской летописи, созданных либо при жизни Елены Глинской, либо спустя небольшое время после ее кончины, «Летописец начала царства» появился примерно через два десятилетия после смерти государыни. Он был составлен в 50-е гг. XVI в.⁷⁹ В этот период политическая система уже претерпела существенные изменения. Взаимоотношения между различными политическими институтами были иными, чем в 30-е гг. XVI в. Вместе с тем составители «Летописца» проявляли заметный интерес к фигуре Елены Глинской и к ее правлению.

Вопрос о характеристике власти великой княгини в «Летописце начала царства» был рассмотрен в общих чертах В. В. Шапошником. Исследователь отметил, что в ряде случаев о ней говорится подробно и с большим пиететом. Елена даже выступает участницей дипломатических контактов⁸⁰. При этом она является законной соправительницей сына, в ряде случаев действующей самостоятельно, без оглядки на государя⁸¹. Как и в случае с Воскресенской летописью, выводы исследователя требуют некоторой конкретизации. Для того, чтобы уточнить наблюдения В. В. Шапошника, рассмотрим конкретные известия «Летописца», в которых упоминается Елена Глинская.

1. 7042 г. *Известие о смерти Василия III.* Последняя воля умирающего государя относительно Елены Глинской сформулирована в тексте следующим образом: «А приказывает великой княгине Елене свои дети и престол области

⁷⁸ Жуков А. Е. «Летописец начала царства» и Воскресенская летопись // Петербургский исторический журнал. 2016. № 3 (11). С. 174—189.

⁷⁹ Лавров Н. Ф. Заметки о Никоновской летописи // Летопись занятий постоянной историко-археографической комиссии за 1926 год. Л., 1927. Вып. 1 (34). С. 89.

⁸⁰ Шапошник В. В. Придворная борьба в русском государстве 30-х годов XVI в. С. 234.

⁸¹ Там же. С. 241.

державствовать скипетръ великия Руси до возмужения сына своего, ведаше бо ея великий государь боголюбиву и милостиву, тиху и праведливу, мудру и мужествену, и всякого царьского разума исполнено сердце ея, но от Бога дарованное и таково дарование, яко во всем уподобися великой и благочестной царице Елене изспародительницы Русской великой княгине Ольге, нареченной во святомъ крещении Елене. И князь великий полагает на ней все правление великого государства многого ради разума по подобию и по достоинству и богомъ избранну царьского правления»⁸². Таким образом, как и в Воскресенской летописи, в «Летописце» отмечается, что Василий III завещал своей жене управление государством до совершеннолетия Ивана Васильевича. При этом из текста были удалены упоминания о том, что государь вверил заботу над великой княгиней и детьми митрополиту Даниилу и боярской думе. Таким образом, Елена Глинская, согласно концепции «Летописца начала царства», предстает единственным регентом при малолетнем государе. Примечательно, что в тексте отсутствуют какие-либо упоминания о присяге государю и Елене Глинской со стороны как удельных князей, так и бояр. На наш взгляд, нет оснований считать данную особенность частью замысла составителя, поскольку уже в следующем известии присутствует упоминание о крестоцеловании Юрия Дмитровского.

2. 7042 г. *Известие об аресте Юрия Дмитровского*. Прежде всего отмечается, что Юрий целовал крест великому князю и великой княгине в том, что не будет замышлять против них какого-либо мятежа: «И князь Юрьи крестъ целовал великому князю Ивану Васильевичю и его матери великой княгине Елене, что ему великому князю и его матери великой княгине лиха никакова не мыслити»⁸³. Данная особенность отличает «Летописец начала царства» от Воскресенской летописи. Как было отмечено

выше, в последней отсутствуют какие-либо упоминания о присяге удельных князей Елене Глинской. Ниже по тексту сообщается, что Андрей и Иван Шуйские пытались «отъехать» на службу к Юрию Ивановичу в годы правления Василия III, однако были пойманы и заключены под стражу. Далее следует пассаж: «После же великого князя великая княгиня их пожаловала, выпустила из поиманья, а большее митрополить и бояре печаловались, понеже бо великая княгини тогда в велицей печали по великом князе Василие Ивановиче, и тако пожаловала, и опалы отдала и пожаловала их»⁸⁴. Великий князь Иван Васильевич не упоминается. Инициатором помилования выступает Елена Глинская. Государыня принимает участие в допросе Андрея Шуйского, желавшего нарушить присягу и перейти на службу к князю Юрию. Наконец, в заключительной части известия, когда бояре обращаются к Елене с вопросом о дальнейшей судьбе Юрия, в тексте сообщается: «Великая же княгини тогда быше в велицей кручине по великом князе Василье и рече бояром: “Как будет пригоже, и вы так делайте”»⁸⁵. В Воскресенской летописи Юрий Дмитровский выступает инициатором демарша, в «Летописце» – жертвой интриг. В Воскресенской летописи Елена Глинская решает судьбу своего деверя. В «Летописце» она, напротив, устраняется от дел. Подобное расхождение в изложении одних и тех же событий связано с общей концепцией рассматриваемых памятников. Составитель Воскресенской летописи всячески очернял удельных князей, в то время как составитель «Летописца» стремился насколько возможно реабилитировать их. При этом ему было необходимо вывести из-под удара Глинскую. Автор работал в 50-е гг. XVI в. и должен был принимать во внимание то обстоятельство, что Елена Васильевна была матерью действующего государя. Вместе с тем на данное известие можно посмотреть и под другим углом: отказавшись принимать решение о судьбе Юрия Дмитровского,

⁸²ПСРЛ. Т. 29. С. 10—11.

⁸³Там же. С. 10.

⁸⁴Там же.

⁸⁵Там же. С. 11.

великая княгиня, наделенная всей полнотой власти, проявила политическую слабость. Таким образом, облик государыни в данном сообщении выглядит не столь однозначно.

3. 7042 г. *Известие о посольстве в Крым Ивана Челищева*: «Тоя же осени князь велики Иван Васильевич всеа Русии посоветова с матерью своею с великою княгинею Еленою и з бояры, Саипъ Гиреевых царевых и Ислам Гиреевых люди к их государемъ отпустиль»⁸⁶.

4. 7042 г. *Известие о чудесах от иконы великомученицы Варвары*: «Тоя же зимы февраля, въ первое лето государства благочестиваго и христолюбиваго великого князя Ивана Васильевича всеа Русии самодержца и его матери благоверной и христолюбивой великой княгини Елены проявися Господь наш Исусъ Христосъ от иконы святыя великия мученицы Варвары чюдотворение»⁸⁷.

5. 7042 г. *Известие о строительстве Земляного города в Москве*: «Того же месяца в 20 день повелением благоверного и христолюбиваго великого государя Ивана Васильевича всеа Русии и его матери благочестивой царицы великой государыни Елены заложиха град землянь, от каменного града возле Неглинну къ живоначальной Троицы на площадку»⁸⁸.

6. 7042 г. *Известие об аресте Ивана Бельского и Ивана Воротынского*: «И князь великий Иван Васильевич и великая княгини Елена положили опалу свою на князя Ивана Федоровича Бельского и на князя Ивана Воротынского и на его дети, велел их, поймавъ, посадити за сторожи»⁸⁹. Инициаторами опалы названы великий князь и Елена Глинская. Примечательно, что второй глагол «велел» приводится в единственном числе, как будто инициатором указа был исключительно государь. Данное несогласование может объясняться особенностями источника «Летописца начала царства». В Воскресенской летописи текст об аресте Ивана Бельского выглядит следующим

образом: «А советниковъ ихъ, брата князь Семенова князя Ивана Федоровича Белского же да князя Ивана Михайловича Воротынского и зъ детми, велель поимати князь велики и мати его великааа княгини и, оковавъ, за приставы посадити»⁹⁰. В некоторых летописях имя Елены Глинской и вовсе отсутствует. В частности, в Вологодско-Пермской летописи читаем: «Того же лета князь великий Иван Васильевич велел поимати на Коломне князя Ивана Федоровича Бельского, а на Москве велел поимати князя Ивана Михайловича Воротынского и его детей»⁹¹. Не известно, упоминалась ли Елена Глинская в источнике «Летописца» или сведения о ней являются вставкой, сделанной составителем рассматриваемого памятника.

7. 7042 г. *Известие «О нагайских послех»*: «Того же месяца в 27 день приидоша к великому князю Ивану Васильевичю всеа Русии послы Нагайские от Шидяка князя Кудояръ князь, а от мурзь их люди, чтобы князь великий к нимъ дружбу свою дръжал и их жаловал так же, как и отецъ его князь великий Василей Иванович въ дружбе с собою держал и жаловал, и гостем Нагайским пожаловал бы, велел въ свои государства с коньми и со всяким товаром ходити и торговати. И князь великий и его мати Нагайских пословъ пожаловали, гостемъ их велель торговати»⁹². О переговорах с нагайскими послами относительно конной торговли упоминается и в других источниках. В частности, в выписи из книг дьяка Тимофея Казакова о праве Троице-Сергиева монастыря на взимание пошлин с торговли лошадьми сообщается: «Лета 7043-го сентября. Как посланы нагайские гости на Москву пришли, и князь великий Иван Васильевич всеа Русии и мати его государыня великая княгини Елена нагайским гостем велели торговати, а велели троицким старцом пошлину имати по шти денег с лошади, а по две денги велела отставити. И сентября 10 дни игумен Сергиева монастыря Иасаф з братьею великому князю и великой княгине били

⁸⁶ Там же.

⁸⁷ Там же. С. 12.

⁸⁸ Там же.

⁸⁹ Там же. С. 13.

⁹⁰ ПСРЛ. Т. 8. С. 287.

⁹¹ ПСРЛ. Т. 25. С. 315.

⁹² ПСРЛ. Т. 29. С. 13.

челом, чтоб государь и государыни пожаловала, велили пошлину имати по старине, по осми денег с лошади. И князь великии и великая княгини обыскали о том бояр, и боярин Михаило Васильевич Тучков сказал, что отец его был в конюшых, и имали при нем Сергеева монастыря пошлину с лошади по осми денег. И князь великии и великая княгини игумена Иасафа з братьею пожаловала, велела ныне и вперед пошлину имати по старине, по осми денег с лошади»⁹³. Комментируя данный документ, М. М. Кром отмечает, что в нем впервые была употреблена «формула соправительства»: «Примечательно, что в этом тексте Елена не только фигурирует как соправительница своего сына, но она даже (в отличие от него!) именуется государыней, а употребленная в конце фразы форма глагола («велела») ясно показывает, от кого на самом деле исходило решение о снижении пошлину, причитавшейся троицким старцам»⁹⁴. На наш взгляд, однако, в сведениях выписи следует относиться осторожно. Во-первых, список выписи, публикуемый С. М. Каштановым, довольно поздний⁹⁵. Оригинал книг Тимофея Казакова не сохранился. Мы можем строить лишь предположения относительно особенностей текста в нем. Нельзя исключать, что в текст были внесены исправления, некоторые из которых касались статуса великой княгини. Во-вторых, в выписи сообщается, что Елена Глинская участвовала в переговорах с ногайцами. Однако в памятниках русского летописания, созданных в 30–40-е гг. XVI в., а также в

посольских книгах сведения о ее участии в дипломатической деятельности отсутствуют (впервые сообщения о приеме послов великой княгиней появляются как раз в «Летописце начала царства»). Вышеперечисленные обстоятельства позволяют по крайней мере усомниться в достоверности формулировок выписи. В Посольской книге сношений с Ногайской ордой за 7042–7046 гг. переговоры августа сентября 7042 г. описаны достаточно детально. В текст включены речи ногайских дипломатов и ответы со стороны Москвы. Основным результатом переговоров стало достижение торговых договоренностей, а также направление в Ногайскую орду ответного посольства Даниила Губина⁹⁶. В этом посольские книги совпадают с «Летописцем начала царства». Вместе с тем в материалах дипломатического ведомства ни разу не упоминается Елена Глинская. Решения приписываются великому князю, а переговоры ведут Федор Карпов вместе с дьяками Меньшим Путятиным и Федором Мишуриным. Нельзя исключать, что Елена Глинская была осведомлена о ходе переговоров и могла каким-то образом повлиять на их результаты. Однако доказать это затруднительно. По крайней мере, ее статус не был официальным. Можно предположить, что ее имя первоначально отсутствовало в «Летописце начала царства» и является позднейшей вставкой. В пользу данной гипотезы свидетельствует сама формулировка: «И князь великии и его мати нагайских послов пожаловали, гостемь ихъ велель (!) торговати». Инициаторами решения о пожаловании названы великий князь и великая княгиня. При этом первый раз глагол «пожаловали» стоит во множественном числе и согласуется с составным подлежащим. Второй раз глагол «велель» приводится в единственном числе, что приводит к несогласованию. Если имя Елены Глинской является позднейшей вставкой, то причины некорректного написания очевидны. Справщик не исправил (возможно, по

⁹³ Каштанов С. М. Очерки русской дипломатики. М., 1970. С. 437.

⁹⁴ Кром М. М. «Вдовствующее царство». С. 123.

⁹⁵ Текст помещен в составе небольшой шестистрочной тетради, вплетенной в конволют РНБ. Собр. М. П. Погодина. 1564 (л. 30–35). Филигрань «кувшинчик с одной ручкой под четырехлистником» просматривается на л. 30 и 35, однако литературное сопровождение ушло под шивку тетради. Другие филигранные в рассматриваемой части сборника отсутствуют. Данное обстоятельство затрудняет датировку рукописи. Однако в тетради помещены копии других документов, датированных 7068 (1560) г. и 7075 (1568) г. Это позволяет датировать манускрипт временем не ранее конца 60-х гг. XVI в.

⁹⁶ Посольские книги по связям России с Ногайской Ордой 1489–1549 гг. Махачкала, 1995. С. 105–106.

невнимательности) окончание глагола «велель».

8. 7043 г. *Известие о начале Стародубской войны*: «В лето 7043. Месяца сентеврия 3 король же Жигиманть совещанием злыхъ изменниковъ великого государя и его матери великие княгини Елены князя Семена Бельского и Ивана Лятцкого, их возмущение, вьста от них мятежь»⁹⁷.

9. 7043 г. *Известие «О Радогоще»*: «А великий государь Иван Васильевич и великая государыни мати его Елена от короля не бреглись, а в своих воеводах измены не чаял»⁹⁸. В этом же известии ниже по тексту сообщается: «И князь великий Иван Васильевич и мати его великая княгиня Елена послышев Литовскихъ людей на своих украинах, и послал воевод своих часа того на те украины против Литовскихъ людей»⁹⁹. Вновь наблюдается несогласование. В известиях упоминаются государь и великая княгиня, однако в конце фразы глаголы стоят в единственном числе, как будто речь идет только о великом князе.

10. 7043 г. *Известие «О Чернигове»*: «И Божьим промыслом воевода великого государя Ивана Васильевича и его матери великой княгини Елены князь Федор княж Семенов сынъ Мезецкого умыслил и выслал на Литовскихъ людей ношью Черниговьцовъ и великого князя люди возмутиша ими»¹⁰⁰.

11. 7043 г. *Известие «О походе на Литву»*: «Тоя же осени великий государь и самодержец Иван Васильевич всеа Русии и благочестивая великая государыни мати его вьторая царица Елена, не мога сего терпети от Жигиманта короля Польскаго, совет сотворяет с своими бояры, хотя послати на зачинающаго брань на Литовьского короля»¹⁰¹. В этом же известии ниже по тексту: «И великий государь Иван и его мати упование свое возлагают на вседръжителя бога отца и сына и святаго духа и на пречистую богородицу и на всех святых(!),

месяца ноеврия в 28 день отпускает воевод своих с Москвы»¹⁰². В заключительной части данного известия читается: «Божьим милосердием сохранено бысть великого государя и его матери воинство, цело и здраво приидоша на Опочку с великою корыстию и со многим пленомъ месяца марта в 1 день, в 4 неделю святаго поста»¹⁰³. Как и в нескольких предыдущих известиях, в тексте упоминаются великий князь и великая княгиня, однако глаголы в ряде случаев приводятся преимущественно в единственном числе, как будто политическая инициатива похода исходила исключительно от великого князя. В Воскресенской летописи в одних случаях упоминаются великий князь и великая княгиня («и князь велики Иванъ и его мати великаа княгини Елена, послышевъ то, съветовавъ зъ бояры, и послали вьведовъ своихъ съ многими людьми противъ литовскихъ людей»)¹⁰⁴, а в других – лишь великий князь («а велель князь велики вьведомамъ своимъ, князю Василью Васильевичю Шуискому съ товарищи, итти отъ Смоленска противъ Литовскихъ людей»)¹⁰⁵. При этом несогласования подлежащего и сказуемого по числу в одном предложении в ней отсутствуют. Можно предположить, что в источнике «Летописца» упоминался исключительно великий князь, имя же Елены Глинской было вставкой, сделанной составителем в основной текст.

12. 7043 г. *Известие о направлении воевод на войну из Стародуба*: «И в то же время послал князь великий и его мати в другое место Литовские же земли воевати из Стародуба»¹⁰⁶.

13. 7043 г. *Известие о прибытии в Москву новгородского архиепископа Макария*: «Тоя же зимы, месяца генваря в 11 день приехал к великому князю Ивану Васильевичю всеа Русии и къ его матери къ великой княгине Елене и из их отчины богомолецъ их архиепископъ Макарей Великого Новагорода и Пьскова»¹⁰⁷.

⁹⁷ ПСРЛ. Т. 29. С. 14.

⁹⁸ Там же.

⁹⁹ Там же.

¹⁰⁰ Там же.

¹⁰¹ Там же.

¹⁰² Там же. С. 15.

¹⁰³ Там же.

¹⁰⁴ ПСРЛ. Т. 8. С. 290.

¹⁰⁵ ПСРЛ. Т. 29. С. 15.

¹⁰⁶ Там же.

¹⁰⁷ Там же.

14. 7043 г. *Известие о переложении мощей митрополита Алексия в новую раку*: «В лето 7039, месяца генваря, въ двадесят шестое лето государства его, начаша делати ракии святымъ и доделаша раку святаго и великого чудотворца Алексея в лето 7043 месяца февраля, во второе лето царства благовернаго и христоролюбиваго великого князя Ивана Васильевича и его матери благоверные и христоролюбивые великие княгини Елены. И благочестивые великии самодержецъ Иван Васильевичъ, божьею милостию государь всеа Руси и великии князь, и его мати благоверная и велемудрая великая государыни княгини Елена с великою верою и со многим желанием о проложении мощем Алексея чудотворца повеле Данилу митрополиту преложити мощи святого Алексея чудотворца в раку серебряну»¹⁰⁸. От лица Елены Глинской отдается указ митрополиту Даниилу относительно переложения мощей. Однако при описании самой церемонии великая княгиня не упоминается: «Бе же ту и великии государь Иван Васильевичъ з братом своимъ со княземъ Георгием и множество бояръ»¹⁰⁹. При этом крайне маловероятно, что Елена Глинская не принимала никакого участия в переложении мощей – слишком велико было значение данного события. Остается лишь предположить, что составитель «Летописца» забыл вставить упоминание о великой княгине.

15. 7043 г. *Известие о монетной реформе Елены Глинской*: «Тоя же зимы князь великии и мати его великая княгини, видев неправду в людех, денегъ умножися в людех подделных и резаных, и восхоте то лукавство из своего государства вывести, и посоветовав о том з бояры, и повеле государь и его мати делати деньги новые из гривенки по три рубли, а старые деньги и подделные и резаные переделывати, а подельным и резаным не ходити; а в старых деньгахъ в добрых, в новгородкахъ и въ московкахъ, в гривенке полтретья рубля з гривною, и великая княгини велела

прибавити в гривенку новых денег, чтобы было людем не великой убытокъ от лихих денег, от подделных и от обрезанных, и впредь не велела лихим деньгамъ ходити, а подделщиков и обрезщиков велела обыскивати и казнити»¹¹⁰. Комментируя особенности данного известия, В. В. Шапошник отметил, что, согласно летописи, в качестве источников указа о монетной реформе отмечены Иван IV и его мать, однако реализована она была самой Еленой¹¹¹. К этому следует добавить, что сообщение о монетной реформе в «Летописце начала царства» текстологически близко к соответствующей статье Воскресенской летописи¹¹². Возможно, она послужила его источником в данном известии. В последнем, однако, великая княгиня фигурирует вместе с великим князем и в той части повествования, которая связана с реализацией преобразований. Таким образом, по каким-то причинам составитель «Летописца начала царства» акцентировал внимание на том, что монетная реформа была проведена именно Еленой Глинской. Подобная ситуация является уникальной для рассматриваемого памятника. В большинстве известий Елена Глинская и государь вместе упоминаются в начале известия, а в последующих его частях фигурирует только великий князь.

16. 7043 г. *Известие «О литовском приходе и о Себеже»*: «И князь великии и мати его великая княгини слышев то и посоветовав з бояры своими и послав воевод своих против королевых воевод собрания и Литовские земли воевати месяца июня в 20, в неделю»¹¹³. Ниже по тексту читается: «А велел князь великии и мати его великая княгини итти воеводамъ своим из Смоленска против Литовских людей <...> А из Новагорода из Великого послал князь великии и мати его великая княгини в Литовскую землю наместников своих наугородцких <...> А велел князь великии и

¹⁰⁸Там же. С. 16.

¹⁰⁹Там же. С. 17.

¹¹⁰Там же. С. 17.

¹¹¹Шапошник В. В. Придворная борьба в русском государстве 30-х годов XVI века. С. 235.

¹¹²ПСРЛ. Т. 8. С. 289.

¹¹³ПСРЛ. Т. 29. С. 17.

мати его поставити в Литовской земле на Себеже на езере город»¹¹⁴. В последней части сообщения вновь наблюдается несогласование. Глагол «велел» стоит в единственном числе. При этом инициаторами строительства Себежа названы два человека: великий князь и великая княгиня. Полагаем, что, как и в предыдущих случаях, данная ситуация объясняется особенностями источников «Летописца». В Воскресенской летописи не сказано, от чьего имени исходил указ о постройке города¹¹⁵. Однако в Вологодско-Пермской летописи в качестве инициатора строительства назван исключительно великий князь¹¹⁶.

17. 7043 г. *Известие «О приходе Крымских татар на Рязань»*: «И князь великий Иван и великая княгиня мати его боголюбивая Елена, видев посланника своего Исламова человека, с таковою грамотою пришедшихъ, веруша по своей крестьянской и великой православной вере, и князь велики послал людей своих къ Стародубу против Литовских людей»¹¹⁷.

18. 7044 г. *Известие о возвращении посла Василия Мезецкого из Крыма*: «В лето 7044. Месяца сентября в 27 день приехал к великому князю Ивану Васильевичю всеа Руси ис Крыму посол его князь Василей Семеновичъ Мезецкой с товарищи от Ислама царевича; да с нимъ вместе прислал к великому князю своего посла Асана князя Зезеуда. А сказал князь Василей великому князю и его матери: “Сафа-Кирей салтанъ ис Крыму вышел, а того ведома нетъ куды пошел, а говорят в Крыму, что Сафа-Кирей пошел въ Казань по присылке Казанскихъ князей”»¹¹⁸.

19. 7044 г. *Известие «Об убиении Казанского царя»*: «Тоя же осени месяца октомврия в 4 день приехал ис Казани к великому князю Ивану Васильевичю всеа Руси на Москву Фетко Тимофеев сынъ Девочкина Новгородецъ, а послан бысть в Казань с Федором з Беззубцовымъ. А сказа

великому князю и его матери великой княгине, что Ковгоръшад царевна и Булат князь въ головах и все уланы и князи и вся земля Казанская великому князю изменили»¹¹⁹.

20. 7044 г. *Известие о снятии опалы с царя Шигаляя*. В отличие от Воскресенской летописи, в «Летописце начала царства» отмечается, что Елена Глинская принимала участие в приеме касимовского хана¹²⁰, что, по мнению исследователей, свидетельствует об укреплении ее позиции как правительницы. А. Л. Юрганов отмечает даже, что в известии фиксируется появление личной титулатуры великой княгини, которая принимает решение независимо от Ивана IV¹²¹. Вместе с тем следует заметить, что решение об участии в приеме великая княгиня предварительно согласовывает с боярской думой: «И благочестивая царицы великая княгини Елена о том посоветовала з бояры, что пригоже и у нее быти царю, занеже еще великий государь млад, а положение царского скипетра державы великия Руссия все есть Богомъ положено на ней и врученное от Бога на сохранение и на соблюдение всего благочестия православия, на милость благимъ и отмщение злым»¹²². Комментируя данный пассаж, считаем необходимым отметить, что в качестве источника власти в нем провозглашается даже не предсмертное распоряжение Василия III, а Божья воля.

21. 7044 г. *Известие «О Казанском после»*: «Тоя же осени ноября в 28 день приехал ис Казани к великому князю Ивану Васильевичю всеа Руси и къ его матери к великой княгине Елене Данилко Смагинъ, а привез от царя и от князей Казанских грамоты, а сказал великому князю и его матери, что царицы Сафа Киреева царевна, а Момаева дочь, из Нагаи в Казань приехала, а ездиль по нее Табай князь»¹²³.

22. 7044 г. *Известие о походе Семена Гундорова и Василия Замыцкого на казанские*

¹¹⁴ Там же. С. 17—18.

¹¹⁵ ПСРЛ. Т. 8. С. 291.

¹¹⁶ Вологодско-Пермская летопись // ПСРЛ. М., 2006. Т. 26 (далее — ПСРЛ. Т. 26). С. 316.

¹¹⁷ ПСРЛ. Т. 29. С. 18.

¹¹⁸ Там же. С. 20.

¹¹⁹ Там же.

¹²⁰ Там же. С. 20—23.

¹²¹ Юрганов А. Л. Политическая борьба в 30-е годы XVI века // История СССР. 1988. № 2. С. 110—111.

¹²² ПСРЛ. Т. 29. С. 22.

¹²³ Там же. С. 23.

земли: «Того же месяца декабря послал князь великий и его мати Казанских местъ воевати воевод своих князя Семена Гундорова да Василя Замыцкого, за их измену и клятвопреступление»¹²⁴.

23. 7044 г. *Известие «О Мещерском градке»*: «Тоя же осени декамврия в 17 князь великий Иван Васильевич и мати его великая княгини Елена повеле град зделати древян в Мещере на реке Мокше, на месте зовомомъ Рунза, того ради, что в тех местех несть градов в близу»¹²⁵.

24. 7044 г. *Известие о строительстве города Буйгорода*: «Того же месяца били челом великому князю и его матери из Костромского уезда волость Корега, Ликурга, Залесие, Борок Железной, чтобы государь пожаловал, велел поставити город того ради, что тамо волости многие, а от городов далече. И князь великий и мати его великая княгини велели поставити на Корогѣ Буйгород»¹²⁶.

25. 7044 г. *Известие о литовском посольстве по вопросам перемирия*: «А писал в грамоте пан Юрьи Николаев, чтобы князь Иван Федорович и его дяди и братия великого государя Ивана Васильевича молили на милость обратити христьянству православному, чтобы великий государь обратил ярость свою на кротость и пощадил бы крестьянство от обоих стран от пролития кровнаго и похотел бы великий государь з Жигимантомъ королем миру. И князь Иван Федорович и его дяди и братия великого государя молили, и князь великий Иван Васильевич и его мати хотят ярость свою утолити»¹²⁷.

26. 7044 г. *Известие о литовском походе на Себеж*: «Великого князя Ивана Васильевича и его матери великие княгини Елены воеводы ихъ князь Иван Михайлович Засекин да Андакан Федоров сынъ Тушин и иные воеводы и люди города того, охрабрався и из града вышли на Литовских людей»¹²⁸. Ниже по тексту читается: «И

благочестивая и христолюбивая великаа государыни Елена с великою верою и со многимъ желанием повеле во граде Себеже поставити церковь живоначальную Троицу и в ней придел Успение пречистые владычицы и приснодевы Марии, а другой придел Покров святеи Богородицы, а третей придел святого великого чудотворца Сергия, и устроити попов и дяконов»¹²⁹. В данном случае указ о строительстве Себежа исходит от лица Елены Глинской. Государь не упоминается.

27. 7044 г. *Известие «О городке Мещерскомъ»*: «Тоя же весны марта 29 дня повелением благовернаго великого самодержца Ивана Васильевича всеа Русии и благочестивые и велемудрые великие государыни Елены, в третее лето государства его, преставлен город Темников на иное место»¹³⁰.

28. 7044 г. *Известие «О чудеси пречистые»*: «Тоя же весны апреля 7, в пяток 6 недели Святого Поста в 5 час дни, во церкви пречистые владычицы нашея Богородицы и приснодевицы Марии честнаго и славнаго Введения помилова Богъ и пречистая Мати Его, от образа своего изцеления дарова жене разслабленной, еже не влодела ни руками, ни ногама, абие бысть здрава во царство великого князя Ивана Васильевича и его матери великой княгини Елены, в третие лето государства его, еже бе создан бысть той храм камен за торгомъ повелением благовернаго великого князя Василя Ивановича всеа Русии в лето 7022»¹³¹.

29. 7044 г. *Известие «О Стародубе»*: «Того же месяца 10 повелением великого государя Ивана Васильевича и самодержца всеа Русии и его матери великой государыни Елены почать град Стародуб делати землен на старом же месте и доделан того же лета июля 20»¹³².

30. 7044 г. *Известие «О Владимире»*: «И князь великий Иван Васильевич всеа Русии и мати его великая княгини Елена

¹²⁴Там же.

¹²⁵Там же.

¹²⁶Там же. С. 24.

¹²⁷Там же. С. 25.

¹²⁸ Там же.

¹²⁹Там же.

¹³⁰Там же.

¹³¹Там же.

¹³²Там же.

велела град Владимирь то место срубити и оставшие стены починити, где будет попортилося»¹³³.

31. 7044 г. *Известие «О Велиже»*: «Того же месяца апреля 19 князь великий Иван Васильевич и его мати велели поставити град в Торопецкомъ уезде на Велижскомъ городище, город Велижь»¹³⁴.

32. 7044 г. *Известие об отправлении в Казань человека от казанского гонца Девлечара*: «Тоя же весны мая бил челомъ великого князя боярину и конюшему князю Ивану Федоровичю Телепневу Оболенскому гонецъ Казанской Девлечар князь, чтобы печаловался великому князю и его матери, чтобы государь пожаловал, ослободил ему послати татарина своего в Казань. И князь Иван печаловался великому государю и его матери, и великий государь Иван Васильевич всеа Руси и его мати великая государыни Елена по печалованию боярина своего ослободили Девлечару князю послати в Казань человека своего»¹³⁵.

33. 7044 г. *Известие «О Торжке»*, в котором сообщается о пожаре в городе: «И князь великий и мати его великая княгини велели то место заделати и иных местъ поделати, и поделан того же лета»¹³⁶.

34. 7044 г. *Известие «О Ярославском пожаре»*: «И князь великий и мати его великая княгини велели того же месяца почати рубити Ярославль, и доделан бысть того же лета»¹³⁷.

35. 7044 г. *Известие «О Балахне»*: «Того же месяца июля в 20 повелением великого государя Ивана Васильевича всеа Руси и его матери великие государыни Елены Божьею милостью и царя государя почат градъ делати у Соли на Балахне того ради, что посад велик, а людей много. И князь великий и его мати берегучи велели град зделати Балахну землянь, и доделан 45-го лета месяца октемврия»¹³⁸.

36. 7045 г. *Известие «О приходе Казанского царя под Муром»*: «Того же

месяца учали вести приходити к великому князю Ивану Васильевичю и его матери великой княгине Елене, что збираетца Казанской царь Сафа-Кирей со многими людьми с казанцы и со многими ордами, с крымцы и с нагаи, а помышляет итти на Костромские места и на Галечские. И князь великий и мати его великая княгини, слышов то, послали воевод своих в Володимер и в Мещеру»¹³⁹.

37. 7045 г. *Известие об аресте Андрея Старицкого*. Здесь Елена Глинская фигурирует как регент. По сравнению с Воскресенской летописью описание событий претерпело существенные изменения. В последней Андрей Старицкий представлен как зачинщик мятежа. Все его действия – часть продуманного, хотя и не вполне удачного плана. Иначе изложен ход событий в «Летописце начала царства». В нем так же, как и в Воскресенской летописи, отмечается, что князь Андрей поверил наговорам «лихих людей», которые утверждали, что государь и великая княгиня держат на него гнев¹⁴⁰. По версии «Летописца начала царства», Старицкий совершил побег лишь тогда, когда сын боярский Яков Веригин принес ему ложную весть о направлении московских воевод для его ареста. Князь направился к Новгороду, откуда повернул к Русе и разбил лагерь на Тюхале, где его и настигли московские войска. При этом, в отличие от Воскресенской летописи, в «Летописце начала царства» не сказано, что князю Андрею было отказано в вотчинах. В нем отсутствуют также упоминания о том, что Старицкий не оказал государю поддержки в борьбе с казанцами, сославшись на болезнь, и не прибыл в столицу. По версии «Летописца начала царства» удельный князь не имел никаких обид на великого князя, не готовился к «мятежу» заранее. В тексте не упоминается о том, что Старицкий направлял в Новгород грамоты с призывом присоединиться к нему. Причины ареста Андрея определяются в «Летописце начала царства» следующим образом: «И князь великий и его мати великая княгини на князя Андрея гнев свои и

¹³³ Там же. С. 26.

¹³⁴ Там же. С. 26.

¹³⁵ Там же.

¹³⁶ Там же.

¹³⁷ Там же. С. 27.

¹³⁸ Там же.

¹³⁹ Там же. С. 28.

¹⁴⁰ Там же. С. 29.

опалу положили в томъ, чтобы впредь такие замятни и волнения не было, понеже многие люди Московские поколебались были»¹⁴¹. Комментируя различия Воскресенской летописи и «Летописца начала царства», В. В. Шапошник отмечает, что составитель «Летописца начала царства» стремился обелить Елену Глинскую еще в большей степени, чем это было сделано в Воскресенской летописи¹⁴². Согласиться с данным утверждением трудно. В Воскресенской летописи действия Андрея Старицкого описаны как спланированная попытка восстания. В данном контексте решение Елены Глинской о его аресте кажется вполне обоснованным решением. В то же время, согласно «Летописцу начала царства», Андрей Иванович не замышлял мятежа. Его вина состоит лишь в том, что он пытался бежать, поддавшись наветам «лихих людей». По мнению А. А. Зимина, составитель оправдывает Андрея лишь частично. Он снимает с него обвинения в мятеже, но обвиняет в столичной «замятне». Представляется, однако, что текст памятника может быть истолкован иначе. В начале известия об аресте Андрея Старицкого в «Летописце» сообщается: «Тоя же весны по дьяволу действу и лихих людей возмущением учиниша замятню велику и возмутиша князя Ондreja Ивановича»¹⁴³. Хотя составитель не уточняет детали происшедших событий, картина вырисовывается следующим образом. Некие «лихие люди», обладающие, вероятно, определенным влиянием, «разогрели» московское население, подготовив жителей города к мятежу. Они же «возмутили» Андрея Старицкого, инициировав его столкновение с великим князем. На этом основании вполне можно сделать вывод, что удельный князь стал жертвой интриг «лихих людей» и оказался под арестом без вины. На

¹⁴¹Там же.

¹⁴²Шапошник В. В. Повествовательные источники официального происхождения о «мятеже» Андрея Старицкого 1537 г. // Вестник СПбГУ. Сер. 2. Вып. 3. СПб., 2011. С. 8.

¹⁴³ПСРЛ. Т. 29. С. 29.

наш взгляд, составитель «Летописца» излагает события довольно витиевато, закладывая возможности для самых различных интерпретаций и дискуссий.

38. 7046 г. *Известие о паломничестве государя к Троице-Сергиеву монастырю*: «Того же месяца 29, в субботу выехал князь великий Иван Васильевич всеа Русии и с своею матерью великою княгинею Еленою и з братом с своим со князем Юрьем помолитися живоначалной Троице и чудотворцу Сергию преподобному»¹⁴⁴.

39. 7046 г. *Известие о поездке великого князя в Можайск на богомолье*: «Тоя же зимы, генваря в 24, в четверток, выехал князь великий Иван Васильевич всеа Русии и мати его великая княгини Елена и брат его князь Юрьи Васильевич в Можаяск помолитися образу святого великого чудотворца Николы»¹⁴⁵.

40. 7046 г. *Известие «О преставлении великие княгини»*: «Тоя же весны апреля в 3, в среду пятые недели Святого Поста в 2 час дни преставися благоверного великого государя Василия Ивановича всеа Русии благоверная великая княгини Елена, княж Васильевская дщи Львовича Глинскаго. А была после мужа своего великого князя Василия Ивановича всеа Русии с сыном своим с великим князем Иваном Васильевичем всеа Русии и власть дръжаствовала государством великия Россия четыре лета и четыре месяца того ради, младу бо сущу великому князю Ивану Васильевичу сыну ея, наставшему осмому лету от рожения его. А положена бысть того же дни во церкви Вознесения господа нашего Иисуса Христа, возле великую княгиню Софию великого князя Ивана Васильевича всеа Русии на Москве внутри града в монастыре, идеже лежат великие княгини»¹⁴⁶. В отличие от Воскресенской летописи, в данном известии отмечается, что великая княгиня была государыней.

Количество упоминаний о государственной деятельности Елены

¹⁴⁴Там же. С. 30.

¹⁴⁵Там же.

¹⁴⁶Там же. С. 32.

Глинской в «Летописце начала царства» было существенно расширено по сравнению с Воскресенской летописью. Составитель неоднократно называет ее «государыней» (№ 5, 9, 11, 14, 26, 27, 29, 32, 35) и даже «царицей» (№ 5, 11, 20). В отличие от более ранних памятников, «Летописец начала царства» акцентирует внимание на ее христианском благочестии и мудрости (№ 4, 5, 11, 14, 17, 26, 27). В нескольких известиях она упоминается как самостоятельный инициатор политических решений без великого князя (№ 15, 20, 26). В соответствии с концепцией памятника, именно Елена должна была править страной вплоть до совершеннолетия сына. Упоминания в известиях самого великого князя в качестве основного инициатора политических решений носили этикетный характер. Составитель придерживался этого этикета, однако в некоторых случаях отступал от него. В тексте появляются также сообщения об участии Елены Глинской в переговорах с послами из других стран (№ 3, 7, 17–19, 21, 25, 32). Поскольку вопрос об участии Елены Глинской в дипломатической деятельности является дискуссионным, каждое из указанных сообщений требует комментариев. В примере № 2 упоминается посольство в Крым Ивана Челищева. Как было отмечено выше, в нем Елена Глинская представлена не как регент или соправитель, а как советник великого князя. При этом лишь государь в данном известии проявляет политическую волю. В примерах № 16 и 17 сообщения состоят из двух частей. Первая часть посвящена приему послов. В ней имя великой княгини не упоминается. Вторая часть обоих сообщений представляет собой отчеты Василия Мезецкого и Фетко Девочкина. В ней упоминаются и великий князь, и великая княгиня. В примерах № 22 и 32 послы бьют челом И. Ф. Овчине Телепневу-Оболенскому, чтобы он от их лица обратился к государю и государыне. В двух указанных случаях Иван Васильевич и Елена Глинская выступают в качестве правителей, однако непосредственно в переговоры не вступают. Наконец, в примере № 19 Елена Глинская участвует в приеме посла Даниила Смагина, и ее статус приравнивается к статусу государя. Таким образом, упоминания об участии Елены

Глинской в дипломатической деятельности существенно разнятся. В одних сообщениях она выступает на вторых ролях (например, в качестве советника), в других она действует на равных с Иваном IV как носитель государственной власти. Иногда она не принимает прямого участия в переговорах, однако именно к ней обращаются относительно принятия решения. При этом в большинстве «посольских» известий «Летописца» великая княгиня не фигурирует. Особенно ярко государственное значение статуса Елены Глинской подчеркнуто в известии о снятии опалы с царя Шигалея (№ 20). Здесь отмечается даже, что «положение царского скипетра державы великия Руси все есть Богомъ положено на ней». Таким образом, одним из факторов, легитимирующих положение Елены Глинской, становится Божья воля. По сравнению с Воскресенской летописью, составитель «Летописца начала царства» существенно расширил круг полномочий великой княгини. Нельзя сказать, что его составитель вводил читателя в заблуждение, называя Елену Глинскую «государыней». Данный титул применяется к ней в документах начиная по крайней мере с 7043 г.¹⁴⁷ Вместе с тем следует отметить, что в некоторых случаях автор вставлял в текст упоминания об участии Елены Глинской в государственных мероприятиях, которые, скорее всего, отсутствовали в его источниках (№ 6, 7, 9, 11, 16). В нескольких известиях она упоминается как инициатор политических решений без великого князя.

Составитель памятника попытался дать своеобразное историческое обоснование полномочий Елены Глинской. В известии о смерти Василия III написано:

¹⁴⁷ Выше мы уже упомянули Выпись из книг Тимофея Казакова, которая, однако, представляется нам сомнительной. Кроме того, Елена Глинская упоминается с титулом государыни в Духовной Михаила Васильевича Горбатого, датируемой июлем 7043 (1535) г.: «Да государю великому князю Ивану Васильевичу всеа Руси прикашики мои несут образ Спасов, обложен серебром, да сто золотых, а матери его государыне великой княгине Елене образ Пречистые обложен серебром да сто золотых» (БАН. Лукьянов. 241. Л. 1).

«Ведаше бо ея великии государь боголюбиву и милостиву, тиху и праведливу, мудру и мужествену, и всякого царьского разума исполнено сердце ея, но от бога дарованное и таково дарование, яко во всем уподобися великой и благочестной царице Елене изспародителницы Русской великой княгине Ольге, нареченной во святом крещении Елене»¹⁴⁸. Таким образом, Елена Глинская впервые была поставлена в один ряд с царицей Еленой (матерью императора Константина) и княгиней Ольгой. Обе были причислены к лику святых как равноапостольные, т. е. способствовавшие распространению христианской веры. Елена Глинская подвигов на ниве христианского прозелитизма совершить не успела. Однако в представлении современников подобного рода деяния совершил ее сын Иван IV, присоединивший к России Казанское ханство. В «Летописце начала царства» его неоднократно сравнивали с императором Константином и князем Владимиром. Вероятно, именно поэтому его мать была поставлена в один ряд с равноапостольными. Следует также заметить, что и княгиня Ольга, и императрица Елена играли видную роль в политических делах своей эпохи¹⁴⁹. На наш взгляд, уподобление им Елены Глинской было в «Летописце начала царства» не только художественным приемом, но также отсылкой к прецеденту, когда мать государя могла выполнять функции соправительницы или регента. Примечательно, что составитель рассматриваемого памятника обратился не только к русским, но и к византийским сюжетам.

Следует заметить, что во вторую редакцию «Летописца» не было вставлено новых упоминаний о политической деятельности Елены Глинской. Полагаем, что

¹⁴⁸ПСРЛ. Т. 29. С. 9—10.

¹⁴⁹Правление княгини Ольги подробно описано в Повести временных лет. В Еллинском летописце содержатся сведения о том, что императрица Елена имела статус соправительницы при своем сыне императоре Константине: «В то же лето Елену богомудрую святую мать свою, венца и усерзя, яко царицу украси» (Летописец Еллинский и римский. Т. 1. Текст. СПб., 1999. С. 298).

позднейшие редакторы считали вполне удовлетворительной характеристику ее деятельности. Создавая образ великой княгини, автор «Летописца начала царства» стремился решить три задачи:

1) Максимально повысить политический статус великой княгини, расширить круг ее полномочий.

2) Обосновать ее право на власть. В «Летописце» мы наблюдаем сразу несколько способов легитимации власти великой княгини. Во-первых, упоминается прецедент княгини Ольги, которая, согласно преданию, правила страной до достижения совершеннолетия ее сыном Святославом. Во-вторых, в известии о смерти Василия III дается ссылка на предсмертную волю государя, завещавшего своей жене править после его смерти. В-третьих, неоднократно отмечается, что Елена была матерью государя Ивана Васильевича. В-четвертых, упоминается, что власть дана ей по Божьей воле (в известии о приеме Шигалея).

3) Обосновать ее способность руководить православным государством. С этой целью неоднократно подчеркивается благочестие, мудрость и христианские добродетели Елены Глинской. Сама правительница уподобляется равноапостольным святым княгине Ольге и императрице Елене.

Создание «Летописца начала царства» стало новым этапом в осмыслении исторических процессов, происходивших в первые десятилетия правления Ивана IV. Его составитель стремился предложить компромиссное видение исторических событий, которое бы удовлетворяло различные политические силы. С этой целью он возвысил статус Елены Глинской, реабилитировав при этом удельных князей Юрия и Андрея. Следует заметить, что в тексте содержатся критические выпады в отношении боярства. Однако преувеличивать эту критику аристократии также не следует¹⁵⁰. Автор выступает против отдельных представителей знати, однако не

¹⁵⁰Зимин А. А. И. С. Пересветов и его современники. С. 35.

против боярства в целом. Более того, он отмечает высокое значение данной категории лиц. В частности, именно с боярской думой советуется Елена Глинская относительно организации приема царя Шигалея и ее участия в нем. Подобная компромиссная трактовка, однако, не снимала всех противоречий, существовавших в русской политике середины XVI в. Более того, сам подход составителя «Летописца начала царства» позволял толковать некоторые исторические события самым различным образом. В частности, выше мы попытались показать, что не в пользу Елены Глинской могут быть истолкованы известия об арестах удельных князей Юрия и Андрея. Представляется, что именно поэтому концепция «Летописца», востребованная в 50-х – первой половине 60-х гг. XVI в., в последующий период была переосмыслена.

§5. Елена Глинская в Синодальном томе и Царственной книге Лицевого летописного свода

Среди памятников московской историографии следовало бы упомянуть Степенную книгу царского родословия. Однако по сравнению с «Летописцем начала царства» указанный трактат не привносит никаких принципиальных новшеств в интерпретацию политической роли Елены Глинской. Поэтому останавливаться на ней отдельно мы не будем и перейдем сразу к Лицевому летописному своду. Последний является наиболее масштабным памятником русской исторической книжности. Созданный в 70-е гг. XVI в., он состоит из десяти томов, украшенных многочисленными миниатюрами, иллюстрирующими исторические сюжеты. Первые три тома описывают события всемирной истории, остальные семь посвящены истории Руси. В контексте настоящего исследования для нас представляют интерес два заключительных тома Лицевого свода, в которых содержится описание правления Ивана IV – Синодальный том и Царственная книга. В первом содержатся известия за 7043 (со слов «...крепко, а того лукавства подкопывания не познали») – 7049 (до слов «чтобы великому князю говорили о миру съ Казанию») гг., а также за 7061 (с известия «О

присылке из Мценска съ языки») – 7075 г. Вторая содержит статьи за 7042–7061 гг., заканчивается описанием взятия Казани и болезни царя Ивана IV. Таким образом, в Синодальном томе отсутствуют события за 7050–7061 гг., а в Царственной книге нет текста после 7061 г. Оба тома органически дополняют друг друга. При этом статьи за 7043–7041 гг. читаются и в Синодальном томе, и в Царственной книге. Т. Н. Протасьева полагала, что недублирующиеся части Синодального тома и Царственной книги некогда составляли одну рукопись¹⁵¹. Ее наблюдения развил Б. М. Клосс. Исследователь разделил бумагу Лицевого свода на три типа. Первый тип – бумага итальянского и немецкого производства, использовалась на начальной стадии работы и встречается только в первых двух томах Лицевого свода. Второй тип – бумага французского и польского происхождения, использованная в большинстве томов свода. Наконец, третий тип – бумага французского происхождения, использованная на заключительном этапе и встречающаяся только в Царственной книге. Собственно, на бумаге третьего типа написаны дублирующиеся статьи Царственной книги. Б. М. Клосс комментирует появление повторных известий следующим образом: «Наиболее злободневная последняя часть свода, охватывающая царствование Ивана Грозного (статьи 1533–1567 гг.), ... была кончена около 1575 г. и представлена на рассмотрение царю. Данная часть летописи вызвала явное неодобрение царя, по его указанию текст подвергся существенной переработке, причем были включены материалы, обличающие боярские «смуты и мятежи» и оправдывающие действия царя по искоренению «измены». Недовольство царя составителями свода привело к тому, что вся оставшаяся бумага была изъята из книгописной мастерской и передана на нужды слободской типографии. Последний этап работы над Лицевым сводом, связанный с перебеливанием отредактированного текста

¹⁵¹Протасьева Т. Н. К вопросу о миниатюрах Никоновской летописи (Син. 962) // Летописи и хроники. 1973 г. М., 1974. С. 271–285.

и переделкой миниатюр, датируется 1576 г., но труд по каким-то причинам не был завершен»¹⁵². А. А. Амосов пришел к выводу, что работа над «историей Грозного» в составе Лицевого летописного свода параллельно, но не синхронно велась несколькими группами писцов. Первая группа переписывала известия с 1535 г. по 1553 г., вторая группа работала над известиями 1553–1564 гг. А. А. Амосов полагал также, что могла существовать и третья группа, которая работала над известиями за 1566–67 гг. При этом исследователь высказывал догадку, что «история Грозного» могла продолжаться «намного далее 1567 г.»¹⁵³. Так или иначе, в Лицевом летописном своде мы имеем две истории правления Ивана IV. Основные расхождения между ними сосредоточены в известиях о первом десятилетии его великого княжения. Первоначальный вариант отразился в Синодальном томе. Окончательный текст представлен в Царственной книге. Мы рассмотрим описание событий правления Елены Глинской в Синодальном томе Лицевого свода, а также те изменения, которые были внесены в Царственную книгу.

Вопрос о характеристике роли Елены Глинской в Лицевом своде был затронут В. В. Шапошником. При этом исследователь рассматривал исключительно Царственную книгу, не привлекая Синодальный том. Исследователь пришел к выводу, что при отражении правления Елены Глинской Царственная книга представляет собой нечто среднее между Воскресенской летописью и «Летописцем начала царства». В ней от лица умирающего Василия III дается хвалебная оценка великой княгине, а также присутствует описание приема царя Шигалея (как в «Летописце начала царства»). В то же время в известии о смерти Елены Глинской констатируется лишь, что она является дочерью Василия Львовича Глинского и похоронена возле княгини Софьи¹⁵⁴. Ниже по тексту В. В. Шапошник пишет, что хотя в Царственной

книге Елена Глинская и фигурирует как законная соправительница сына, ее роль рисуется без той доли самостоятельности, которая зафиксирована в «Летописце начала царства». Таким образом, исследователь дает обобщенное представление об интерпретации положения Елены Глинской в Лицевом своде. Эволюцию взглядов его составителей исследователь не рассматривает. Лицевой свод является памятником компилятивным. Заключительная его часть представляет собой довольно простую компиляцию, в основу которой были положена как раз Воскресенская летопись, дополненная по «Летописцу начала царства» и некоторым другим источникам. Поэтому некоторое сходство его концепции с указанными памятниками не вызывает удивления. Однако не понятно, почему составитель Лицевого свода предпочел положить в основу именно Воскресенскую летопись, а по «Летописцу начала царства» вносил лишь отдельные дополнения. На этот вопрос мы попытаемся ответить ниже. Забегая вперед, отметим, что, на наш взгляд, это отчасти связано с Еленой Глинской, а точнее – с той системой отношений, которая сложилась в годы ее правления.

Как было отмечено выше, события 7043–7049 гг. в Синодальном томе изложены по Воскресенской летописи. Текст за 7042 г. и начальная часть 7043 г. не сохранились. Поэтому не известно, в каком варианте было первоначально представлено в Лицевом своде сообщение о смерти Василия III. В Царственной книге на л. 1–74 помещен обширный текст, в основу которого была положена Повесть о смерти Василия III. Однако указанные листы выполнены на бумаге третьей партии (по терминологии Б. М. Клосса), встречающейся только в Царственной книге¹⁵⁵. Таким образом, на них представлено уже отредактированное повествование. Поэтому все наши суждения относительно определения статуса Елены Глинской по завещанию ее мужа могут носить лишь характер догадок. Можно предположить, что известие о смерти Василия III в Синодальном

¹⁵² Клосс Б. М. Никоновский свод и русские летописи XVI–XVII веков. М., 1980. С. 265.

¹⁵³ Амосов А. А. Лицевой летописный свод Ивана Грозного: комплексное кодикологическое исследование. М., 1998. С. 177–182.

¹⁵⁴ Шапошник В. В. Придворная борьба в русском государстве 30-х годов XVI в. С. 236.

¹⁵⁵ Распределение водяных знаков в Царственной книге см.: Лицевой летописный свод. Научный аппарат к факсимильному изданию рукописи. Приложение. М., 2008. С. 52–53.

томе текстологически было близко к Воскресенской летописи. Вместе с тем в последующих статьях составитель первоначальной «истории Грозного» внес в

текст, заимствованный из Воскресенской летописи, ряд изменений. Некоторые из них касаются Елены Глинской:

Список Оболенского (ПСРЛ. Т. 13)	Синодальный том Лицевого свода (ПСРЛ. Т. 13)
И *князь велики* велел того ради поставити во граде том церковь Живоначальную Троицу (с. 89)	*князь великий и его мати великаа княгини* (с. 89, примеч. л)
И в то время послалъ *князь велики* воеводъ своих князя Ивана Васильевича Горенского и иныхъ своихъ воеводъ (с. 90)	*князь великий и великаа княгини* (с. 90, примеч. б)
И того же лета *поставлен* град на Проне (с. 90)	*повелением великаго князя Ивана Васильевича и его матери великия княгини Елены поставлен бысть* (с. 90, примеч. т)
А князю Ондрею сказывают *на великую княгиню*, что хотятъ его поимати (с. 91)	*на великаго князя и на его матеръ* (с. 91, примеч. е)
И князь велики и его мати *великая княгини* послали ко князю Ондрею (с. 91)	*великая княгини Елена* (с. 91, примеч. н)
А во сердце гнев дрѣжал о том, *что* ему вотчины не придали (с. 92)	*гнев держал на великаго князя и на его матеръ на великую княгиню, что* (с. 92, примеч. к)
И начаша сказывати на князя на Ондрея *великому князю* (с. 92)	*великому князю и его матери великой княгине* (с. 92, примеч. м)
А *великому князю* в то время Казань не мирна (с. 93)	*великому князю и его матери великой княгине* (с. 93, примеч. а)
И князь Ондрей к *великому князю* не поехал, а сказался болен (с. 93)	*князю и к его матери великой княгине* (с. 93, примеч. в)
И Феофил приехал, сказал *великому князю*, что болезнь его легка (с. 93)	*князь великий Иван Васильевич и его мати великаа княгини Елена послали* (с. 93, примеч. д)
А князь Федор Пронской от князя из Старицы к *великому князю* на Москву ещо не приехал (с. 93)	*великому князю и к его матери к великой княгине* (с. 93, примеч. м)
И князь *Иван* то сказал *великому князю* (с. 94)	*Иван Федоровичъ Овчина* *великому князю и его матери великой княгине что на утро князю Ондрею бежати* (с. 94, примеч. в, г)
И *князь великий* того для послал за княземъ за Ондреемъ бояр (с. 94)	*князь великий и его мати великая княгини* (с. 94, примеч. ж)
А слух его дошол, что послал *князь велики* бояръ своих (с. 94)	*князь великий и великая княгини* (с. 94, примеч. л)
Изъ Бернова побегал князь Василей князь Федоровъ сын Голубого да сказалъ *великому князю*, что князь Ондрей еще того не приговорил, на которое ему место бежати (с. 95)	*князю и его матери великой княгине* (с. 95, примеч. д)
И те грамоты привезли *к великому князю* со княжми печатми (с. 95)	*к великому князю и к великой княгине* (с. 95, примеч. и)
А у князя Ивана учаль правды просити, что	*великому князю и его матери великой

его *великому князю* не поимати и опалы на него великие не положити (с. 96)	княгине* (с. 96, примеч. и)
А Ивану то отъ *великого князя* не наказано (с. 96)	*князя и от его матери великой княгини* (с. 96, примеч. i)
И князь Иван, не обославшись *с великим князем* (с. 96)	*князем и с великою княгинею* (с. 96, примеч. л)

В Синодальном томе было добавлено несколько упоминаний об участии Глинской в государственных мероприятиях, что свидетельствует об особом внимании составителей Лицевого свода к политическому статусу великой княгини. В частности, ее имя вставлено в сообщения за 7044 г., под которым упоминания о ней в Воскресенской летописи отсутствуют. Однако наибольший интерес для нас представляют не эти поправки. Для нас важнее понять сам принцип, на основании которого создавалась первая версия «истории Грозного». Ее составители располагали широким кругом источников и проводили весьма тщательную работу над их текстами. Для описания событий 1533–1541 гг. они могли привлечь «Летописец начала царства». Однако они предпочли ему менее информативную и устаревшую версию Воскресенской летописи. Попытаемся понять причины подобного выбора.

Как было отмечено выше, «Летописец начала царства» создавался в 50-е гг. XVI в. К этому времени различным политическим силам удалось достичь определенных договоренностей, в результате чего придворная борьба пошла на спад. В «замятнях» 30-40-х гг. были обвинены Андрей, Василий и Иван Шуйские, которых к этому моменту не было в живых. При этом составитель «Летописца» избегал резких выпадов в отношении лиц, которые в 50-е гг. продолжали здравствовать и участвовать в московской политике. Несмотря на все попытки предложить компромиссное видение истории последних десятилетий, составитель «Летописца» не мог создать версию событий, которая бы удовлетворяла интересы абсолютно всех политических сил. В частности, как было отмечено выше, были оправданы удельные князья Юрий Дмитровский и Андрей Старицкий.

Реабилитация удельных князей в 50-е гг. была выгодна Владимиру Старицкому и силам, которые сплотились вокруг него. Подобный подход к изложению исторического материала отчасти противоречил интересам московского великокняжеского дома. В частности, не вполне однозначно выглядела в «Летописце начала царства» Елена Глинская. Согласно «Летописцу», в случае с Юрием Дмитровским она фактически устранилась от дел, отдавая судьбу своего деверя в руки бояр. В ситуации с Андреем Старицким государыня обрекает невинного человека на заключение в темнице, «чтобы впредь такие замятни и волнения не было, понеже многие люди Московские поколебались были»¹⁵⁶. Едва ли составитель «Летописца начала царства» стремился очернить образ великой княгини. Однако невозможно было оправдать Юрия Дмитровского и Андрея Старицкого, не бросив тень на людей, которые решали их судьбу. В 50-е гг. трактовка исторических событий, предложенная в «Летописце», была приемлема, поскольку в указанный период предпринимались попытки примирить царя и старицкий дом. В 60-е гг. отношения Ивана IV и Владимира Старицкого окончательно испортились. Государь подозревал князя в подготовке государственного переворота. В этих условиях попытки оправдать удельных князей выглядели неуместными. Поэтому, на наш взгляд, составители первоначальной редакции «истории Грозного» предпочли более радикальную версию Воскресенской летописи. Последняя, однако, как было отмечено выше, устарела и требовала определенных поправок. Некоторые из них касались Елены Глинской и отразились уже в Синодальном томе. Другие были сделаны

¹⁵⁶ ПСРЛ. Т. 29. С. 29.

впоследствии на дублирующихся листах, вошедших в Царственную книгу.

В основу повествования о вокняжении Ивана IV в Царственной книге была положена Повесть о смерти Василия III, текст которой был дополнен по «Летописцу начала царства». Одно из дополнений касается политического статуса Елены Глинской: «Вся же правления всего Русскаго царствия завещевает дръжавствовати и по Бозе устраяти и разсужати скипетра великиа Россия с сыном своим со царем и великим князем Иваном, дондеже от младенства устробится, до взмужания сына своего, матере его, а своеи великой княгине Елене, ведяше бо ея великий государь боголюбиву и милостиву, тиху и правдиву, мудру и мужествену, и сердце ея всякаго царскаго разума исполнено, но от Бога дарованное еи таковое дарование, яко во всем уподобися великой и благочестивой царице Елене и прародителнице русскои великой княгине Олге, нареченной во святом крещении Елене; и князь великий полагает на ней все правление великаго государства многаго ея ради разума по подобию и по достоянию Богом избранному царскаго правления»¹⁵⁷. Сделав вставку из «Летописца», составитель Царственной книги подчеркнул, что Василий III наделил Елену Глинскую властными полномочиями вплоть до совершеннолетия Ивана IV. При этом он перенес в текст все основные идеи «Летописца начала царства». В частности, в Царственной книге, как и в «Летописце», приводится сравнение Елены Глинской с княгиней Ольгой и императрицей Еленой. В тексте Царственной книги присутствуют и другие дополнения, касающиеся Елены Глинской. Рассмотрим их ниже:

1. *7044 г. Известие о снятии опалы с царя Шигалея.* В Синодальном томе читается краткое сообщение, заимствованное из Воскресенской летописи. В Царственной книге помещен пространный рассказ из «Летописца начала царства»¹⁵⁸.

2. *7044 г. Известие о прибытии из Казани Данила Смагина:* «Тоя же осени,

ноября 28, приехал ис Казани к великому князю Ивану Василиевичю всея Руси и к его матери к великой княгине Елене Данилко Смагин, а привез от царя и от князей казанских грамоты»¹⁵⁹. В Синодальном томе данное сообщение отсутствует. В текст Царственной книги оно попало из «Летописца начала царства»¹⁶⁰.

3. *7044 г. Известие «О чудеси пречистыя Богородица»:* «Тоя же весны, месяца апреля в 7, в пяток 6 недели святаго Поста, в 5 час дни, во церкви честнаго и славнаго Введения пречистыя царицы девы Богородица Марии за торгом в каменом храме, еже бе создан бысть великим князем Василием Ивановичем всея Руси, помиловал Бог и пречистаа Мати Его, от образа своего исцеление дарова жене разслабленой, еже бе не владела рукама и ногама, абие бысть здрава в третье лето государьства великого государя Ивана Васильевича и матери его великиа княгини Елены»¹⁶¹. Как и предыдущее, данное известие восходит к «Летописцу начала царства»¹⁶².

4. *7044 г. Известие «О Стародубе».* В Царственной книге помещено сразу два сообщения, посвященных строительству Стародуба: 1) «Того же месяца априля в 10 день повелением великаго государя Ивана Василиевича и самодръжца всея Руси и его матери великиа государыни Елены почат град Стародуб делати землен на старом же месте. И доделан того же лета иулиа в 20»¹⁶³; 2) «Тое же весны зделан бысть град Стародуб на старом же месте земляной»¹⁶⁴. Оба известия расположены на разных листах. Первое восходит к «Летописцу начала царства»¹⁶⁵, второе читается в Синодальном томе и попало в него из Воскресенской летописи¹⁶⁶. Таким образом, в Царственной книге строительство Стародуба рассматривается не как единое событие, а как два факта: начало

¹⁵⁹ Там же. Л. 130 об.

¹⁶⁰ ПСРЛ. Т. 29. С. 23.

¹⁶¹ ГИМ. Синодальное собр. 149. Л. 136.

¹⁶² ПСРЛ. Т. 29. С. 25.

¹⁶³ ГИМ. Синодальное собр. 149. Л. 136 об.

¹⁶⁴ Там же. Л. 137.

¹⁶⁵ ПСРЛ. Т. 29. С. 25.

¹⁶⁶ ГИМ. Синодальное собр. 962. Л. 16.

¹⁵⁷ ГИМ. Синодальное собр. № 149. Л. 49—49 об.

¹⁵⁸ Там же. Л. 117 об.—30 об.

строительства и завершение строительства. Наш вывод подтверждается миниатюрами. На изображении л. 136 об. нарисованы великий князь и великая княгиня, отдающие строителям указ о начале работ, а также отражен начальный этап заложения крепости. На миниатюре л. 137 изображена законченная крепость; образы великого князя и государыни отсутствуют.

5. 7044 г. *Известие «О Устьюге»*: «Того же месяца апреля в 20 повелением великаго государя Ивана Василиевича всея Руси и его матери великие государыни Елены зделан град Устюг, древен, весь нов, а рубил его Данило Загрязской»¹⁶⁷. В Синодальном томе читается краткое известие: «Тоя же весны зделан град Устьюг древян»¹⁶⁸. Примечательно, что в данном случае текст «Летописца начала царства» сходен с последним¹⁶⁹. Остается предположить, что упоминание о великом князе и великой княгине было вставлено составителем Царственной книги.

6. 7044 г. *Известие «О Ярославском пожаре»*: «Того же лета, месяца иулиа 9, в неделю, в 8 час дни, во граде Ярославли загореся храм святаго чудотворца Николы, и оттого згоре град Ярославль весь, и церкви древяные внутри города и дворы погорели. И князь великий Иван Василиевич всея Руси и мати его великая княгини Елена велела того же месяца на старом же месте на погорелом град Ярославль рубити; и доделаша его того же лета. И поставлен бысть того же лета град Ярославль древян на старом месте на погорелом»¹⁷⁰. В Синодальном томе читается краткое сообщение: «Того же лета, июля в 18, згорел город Ярославль от церкви святаго Николы. И поставлен бысть нов того же лета»¹⁷¹. Упоминание о великом князе и великой княгине присутствует в «Летописце начала царства»¹⁷².

¹⁶⁷ГИМ. Синодальное собр. 149. Л. 138 об.

¹⁶⁸ГИМ. Синодальное собр. 962. Л. 17 об.

¹⁶⁹ПСРЛ. Т. 29. С. 27.

¹⁷⁰ГИМ. Синодальное собр. 149. Л. 139—140.

¹⁷¹ГИМ. Синодальное собр. 962. Л. 17 об.—18.

¹⁷²ПСРЛ. Т. 29. С. 27.

7. 7045 г. *Повесть об аресте Андрея Старицкого*. По сравнению с Синодальным томом в Царственной книге присутствуют несколько дополнительных упоминаний о Елене Глинской. В ней читается: «А князя Ондreja князь великий Иван и его мати великая княгини велели поимати и в полату посадити и тягость на него положить. А княгиню княже Ондрееву да и сына его князь великий и мати его великая княгини велели посадити за приставы на Берсенева дворе. А на бояр его, на князя Федора Дмитриевича Пронскаго да на князя Ивана Ондреевича Пенинского Оболенского да Ивана Умного Иванова сына Лобанова Колычева да на шюрина на княже Ондреева на князя Ивана Ондреевича Хованского князь великий и мати его великая княгини опалу свою положили, велели их пытати да казнити торговою казнию. Да оковав, князь великий и мати его великая княгини велели в Наугольную стрелницу посажати»¹⁷³. В Синодальном томе подчеркнутые упоминания отсутствуют¹⁷⁴. Ниже по тексту в нем читается: «А которые дети боярьские великого князя помещики новгородские, а приехали в ту пору ко князю Ондрею <...> тритцати человек, велел князь великий бити кнутием на Москве. Да велели их казнити смертною казнию, вешати по новгородцкой дороге, не вместе и до Новагорода»¹⁷⁵. При этом на миниатюре великий князь изображен вместе с Еленой Глинской. В Царственной книге данная несогласованность текста и изображения была исправлена. В ней читается: «Князь великий и его мати великая княгини велели кнутием на Москве. Да бив кнутием, велел князь великий и мати его великая княгини тех детеи боярских казнити смертною казнию, вешати по Новгородцкой дороге, не вместе, и до Новагорода»¹⁷⁶. Вставка дополнительных упоминаний о Елене Глинской в Царственной книге обусловлена, на наш взгляд, причинами технического характера. Дело в том, что в

¹⁷³ГИМ. Синодальное собр. 149. Л. 163 об.—165.

¹⁷⁴ГИМ. Синодальное собр. 962. Л. 41—42.

¹⁷⁵Там же. Л. 42 об.

¹⁷⁶ГИМ. Синодальное собр. 149. Л. 165—166.

Повести об аресте Андрея Старицкого государю приписывается ряд важных решений, которые семилетний ребенок едва ли мог принимать самостоятельно. Данное обстоятельство было хорошо известно миниатюристу. В то же время он понимал, что в детские годы Ивана IV фактическая власть в стране находилась в руках Елены Глинской. Поэтому уже в Синодальном томе на миниатюрах, иллюстрирующих Повесть об аресте Андрея Старицкого, великий князь изображался вместе с великой княгиней. Вместе с тем в текст необходимых поправок внесено не было. В Царственной книге данное несогласование миниатюры и повествования было исправлено.

8. 7045 г. *Известие «О Владимире»*: «И князь великий Иван Василиевич всяя Руси и мати его великая княгини Елена велели град Володимер то место срубити и, где будет оставших стен, починити; и того же месяца 19 послан города делати Истома Курчев. И того же лета, августа, доделан град Володимер в третье лето государства его»¹⁷⁷. В Синодальном томе рассматриваемое сообщение отсутствует. Данное известие читается в «Летописце начала царства» под 7044 г., текст которого почти дословно совпадает с Царственной книгой¹⁷⁸. В отличие от последней, в «Летописце» отсутствует указание на дату начала работы (19 апреля).

9. 7045 г. *Известие «О Велиже»*: «Того же месяца апреля 19 князь великий Иван Василиевич и мати его великая княгини Елена велели поставити город в Торопецком уезде на Велижском городище, город Велиж, и додела месяца иулиа в третье лето государства его»¹⁷⁹. Данное известие в «Летописце начала царства» также помещено под 7044 г., сразу же после известия о строительстве Владимира.

10. 7045 г. *Известие о походе на Литовские земли после завершения строительства Велижа*: «И Божию милостию великий государь Иван Василиевич всяя Руси и его мати великаа

государыни Елена послали из Велижа Литовские земли воевати воевод своих князя Ивана Ивановича Барбашина и иных своих воевод»¹⁸⁰. В «Летописце» данное сообщение присутствует. Однако в качестве инициатора похода упоминается один лишь великий князь. Таким образом, имя Елены Глинской было вставлено в Царственную книгу. Представляется, что в данном известии исправление текста шло по сценарию, сходному с правкой Повести об аресте Андрея Старицкого. Для составителей Лицевого свода было очевидно, что малолетний великий князь не мог принять решение о военном походе самостоятельно. С этой целью в текст было вставлено имя Елены Глинской.

Таким образом, в Царственной книге комплекс упоминаний об участии Елены Глинской в государственных мероприятиях по сравнению с Синодальным томом был существенно расширен. Прежде всего, в текст были включены новые известия, в которых фигурировала великая княгиня. Основным источником послужил «Летописец начала царства». Кроме того, имя Елены Глинской было добавлено в те сообщения, в которых оно первоначально отсутствовало. В ряде случаев (№ 7, 10) вставки упоминаний о ней объясняются особым характером связи, который существовал в Лицевом своде между текстом и миниатюрой. Дело в том, что в известиях источников Царственной книги в качестве носителя политической воли нередко фигурировал исключительно великий князь. В случае с летописным текстом ситуация, когда важнейшие постановления исходили от ребенка-государя, объяснялась этикетной условностью, характерной для памятников древнерусской книжности. Однако на миниатюре скрыть действительность было крайне затруднительно – слишком очевидной становилась нереалистичность ситуации. Миниатюристы изображали государя вместе с великой княгиней. При этом текст был первичен по отношению к миниатюре. Поэтому в первоначальном варианте повествования великая княгиня упоминалась

¹⁷⁷Там же. Л. 167 об. —168.

¹⁷⁸ПСРЛ. Т. 29. С. 26.

¹⁷⁹ГИМ. Синодальное собр. 149. Л. 168.

¹⁸⁰Там же. Л. 168 об.

в тексте не всегда, хотя на миниатюре ее изображение присутствовало (как в Повести об аресте Андрея Старицкого в составе Синодального тома). Однако в ходе последующей правки книжники должны были принимать во внимание особенности сюжета миниатюры. Поэтому в Царственной книге упоминания о великой княгине были внесены в текст в тех случаях, где ее образ прорисован на миниатюре.

Анализируя упоминания Елены Глинской в Лицевом своде, нельзя не затронуть некоторые особенности художественного изображения государыни. Некоторые наблюдения по данному поводу были сформулированы А. Л. Юргановым. Он отметил, что на миниатюрах Синодального тома Елена Глинская изображена в платке (который исследователь называет убрусом), Иван IV же чаще всего предстает в княжеской шапке и очень редко – в короне. В Царственной книге иконография меняется: государь и государыня как правило изображаются в коронах, гораздо реже – в княжеской шапке и платке. Объясняя указанные метаморфозы, А.Л. Юрганов пишет: «С чем связаны эти новшества Царственной книги? Однозначно ответить невозможно. Не исключено, что инициатива исходила от самого Ивана Грозного. В первом послании Андрею Курбскому он назвал Елену “благочестивой царицей”: “Тако не изволися судьбами Божиими быти, родительнице благочестивой царице Елене преити от земного царствования на небесное”. И в другом месте: “такое же и дед твои, Михаило Тучков, на представление матери наша, великие царицы Елены, про нее дьяку нашему Елизару Цыплятеву многая надменная словеса изрече”. Этому представлению Ивана Грозного о своей матери больше подходило изображение ее в короне, чем в убрусе»¹⁸¹. Согласиться с выводами исследователя можно лишь отчасти. Действительно, от Синодального тома к Царственной книге представления составителей Лицевого свода относительно

изображения Елены Глинской претерпели некоторую эволюцию (иначе трудно объяснить, почему изображения в платке были почти в полном объеме заменены изображениями в короне). Однако причины изменения головного убора определить затруднительно. Дело в том, что жены и дочери правителей изображались в Лицевом своде чаще всего именно в короне. При этом их титул не имел значения. Они могли быть как царицами, так и княгинями (причем не обязательно великими). Напротив, случаев изображения коронованных дам в платке или в шапке немного. Таким образом, изображение Елены Глинской в короне вполне вписывается в иконографию Лицевого свода и не свидетельствует о каких-либо изменениях в представлении о ее политическом статусе. Напротив, изображение великой княгини в платке выглядит нетипичным. Нет оснований усматривать в подобной иконографии какой-либо символический смысл. Платки были типичным головным убором для замужних женщин и вдов¹⁸².

Основным источником Лицевого свода послужила Воскресенская летопись. Возможно, составители сочли, что текст последней соответствует политической ситуации рубежа 60–70-х гг. XVI в. в большей степени, чем «Летописец начала царства», поскольку в ней не предпринималось попыток реабилитировать удельных князей. В 70-е гг. XVI в. Воскресенская летопись концептуально устарела. Поэтому ее текст был существенно отредактирован. Редакторская правка

¹⁸¹Юрганов А. Л. Политическая борьба в годы правления Елены Глинской. С. 80.

¹⁸²Можно было бы предположить, что таким образом художник стремился подчеркнуть ее статус вдовы. Однако овдовевшие великие княгини на миниатюрах Лицевого свода чаще всего также изображаются в коронах. В частности, на подавляющем большинстве миниатюр в короне изображена вдова великого князя Василия I Софья Витовтовна. При этом образ княгинь в убрусе вовсе не указывает на какое-либо понижение их статуса. Например, жена (впоследствии – вдова) великого князя Василия II чаще всего изображается в Лицевом своде в короне. Лишь в сообщении 6972 г. об отправлении князя Василия Ивановича в Рязань она изображена в платке.

затронула упоминания о Елене Глинской. Уже в первоначальной редакции «истории Грозного», отразившейся в Синодальном томе Лицевого свода, были добавлены сообщения об участии великой княгини в государственных мероприятиях. В частности, упоминания о ней были вставлены в известия за 7044 г. (в Воскресенской летописи, послужившей источником памятника, их не было). В позднейшей редакции «истории Грозного», отразившейся в Царственной книге, Елена Глинская фигурирует еще чаще. Объединяя известия «Летописца начала царства» и Воскресенской летописи, составитель Царственной книги сформулировал новую концепцию событий 30-х гг. XVI в. Как и в «Летописце начала царства», Елена Глинская в Лицевом своде выступает как полновластная правительница. При этом, включив в текст Повесть о смерти Василия III, составитель существенно очеловечил образ его жены. В кратких рассказах Воскресенской летописи и «Летописца начала царства» поведение Елены не получило какой-либо характеристики. В Царственной книге в соответствии с Повестью описаны ее плач и скорбь об умирающем супруге. Получив полномочия на управление государством, Елена Глинская не может опереться на боярскую думу (как в Воскресенской летописи). В то же время удельные князья предстают противниками ее власти. Таким образом, автор Царственной книги доводит до своих читателей следующую мысль: став государыней, великая княгиня оказалась в окружении недоброжелателей.

§6. Упоминания Елены Глинской в памятниках регионального и частного летописания

Охарактеризовав правление Елены Глинской в памятниках московского великокняжеского (царского) историописания, переходим к произведениям региональной и частной традиции. Прежде всего, обратимся к новгородским летописям. Известия за 30-е гг. XVI в. представлены в Новгородском владычном своде 1539 г. Текст последнего сохранился в списке П. П. Дубровского конца XVI в. (упомянутом нами выше в связи с Повестью о смерти великого

князя Василия III), а также частично в т. н. «Ростовской летописи» (фрагмент новгородского происхождения опубликован А. А. Шахматовым)¹⁸³. Существует еще один памятник, в котором отразились сообщения новгородского происхождения за 30-е гг. XVI в. В историографии он известен как Отрывок новгородской летописи по Воскресенскому Новоерусалимскому списку (далее – Отрывок)¹⁸⁴. Текстологически заключительная часть свода 1539 г. и Отрывок близки. В историографии высказывались различные суждения относительно взаимоотношений двух указанных текстов. По мнению А. А. Шахматова, в Отрывке отразилась вторая часть свода 1539 г., текст которой подвергся редакторской правке, первоначальная же редакция отразилась в Новгородской летописи по списку П. П. Дубровского¹⁸⁵. С. Н. Азбелев, напротив, считал, что Отрывок содержит более ранний текст Новгородского владычного свода¹⁸⁶. По мнению О. Л. Новиковой, в Отрывке отразилась не первоначальная редакция свода 1539 г., а летописные заметки за 20–30-е гг. XVI в., которые послужили одним из его источников¹⁸⁷. Так или иначе, большинство исследователей отмечают, что Отрывок первичен по отношению к тексту, представленному в Новгородской летописи по списку П. П. Дубровского. В контексте настоящего исследования нас будут интересовать лишь те сообщения обоих памятников, в которых упоминается Елена Глинская. Рассмотрим их ниже:

1. *7042 г. Известие о смерти Василия III.* В Отрывке читается краткое сообщение, из которого следует, что знать и

¹⁸³Шахматов А. А. О так называемой Ростовской летописи. С. 66—171.

¹⁸⁴Публикацию текста Отрывка см.: ПСРЛ. Т. 6. С. 277—315.

¹⁸⁵Шахматов А. А. О так называемой Ростовской летописи. М., 1904. С. 62—64.

¹⁸⁶Азбелев С. Н. Две редакции Новгородской летописи Дубровского // Новгородский исторический сборник. Вып. 9. Новгород, 1959. С. 219—228.

¹⁸⁷Новикова О. Л. Из истории новгородского летописания XVI в.: Новгородская летопись по списку П. П. Дубровского и родственные ей памятники // Очерки феодальной России. Вып. 9. М.; СПб., 2005. С. 36—37.

жители Московского великого княжества присягнули на верность исключительно великому князю Ивану Васильевичу: «И целоваху ему животворящи крестъ вси князи и бояре, и сановници, и все християне, по всемъ градомъ вотчины его государя великого князя Ивана Васильевича всея Руси»¹⁸⁸. Елена Глинская в контексте присяги не упоминается. Данное известие сохранилось в Новгородском своде 1539 г.¹⁸⁹ Однако перед кратким сообщением в текст была вставлена Повесть о смерти Василия III (см. §2)¹⁹⁰. Последняя воля Василия III, а также политическое положение великой княгини представлены в Своде 1539 г. в соответствии с текстом данного памятника.

2. 7042 г. *Известие о строительстве Китай-города*: «Того же лета на весне государь князь велики Иван Васильевич всея Руси, в первое лето государства своего, по преставлени отца своего великого князя Василья Ивановича, помысли с своею матерью великою княгинею Еленою и с митрополитомъ Даниломъ и своими доброхоты князи и бояры, повеле у себе на Москве поставити градъ древян на посаде на болшее пространство богоспасенаго и преименитого града Москвы»¹⁹¹. В данном известии Елена Глинская действует как советник великого князя, а не как его соправитель. Рядом с великим князем и великой княгиней фигурирует митрополит Даниил. Более того, в заключительной части известия сообщается, что наименование Китай-города было принято «повелением государя великого князя Ивана Васильевича и благословениемъ пресвященнаго Данила митрополита»¹⁹². Елена Глинская, таким образом, отходит на второй план. Примечательно, что митрополит Даниил, согласно новгородскому своду, принимает

участие в градостроительстве. С данным сообщением коррелирует следующее известие: «Тое же весны прислалъ государь князь велики Иванъ Васильевичъ всея Руси своего дьяка Григорья Загряского къ своему богомолцу въ Великии Новгородъ архиепископу Макарию, и съ наместникомъ и дьякомъ, и повеле поставити градъ древянь на Софеиской стороне»¹⁹³. В обоих случаях градостроительные мероприятия проходят при участии церковных властей. Тем более удивительно то обстоятельство, что в других летописях в известии о строительстве Китай-города митрополит Даниил не упоминается.

3. 7043 г. *Послание к митрополиту Макарию о выплате выкупа за плененных татарами*: «Того же лета в осенинах государь князь велики Иван Васильевич всея Руси и мати его благочестивая Елена прислали къ своему богомолцу архиепископу Великово Новагорода и Пскова владыке Макарию в Великии Новград своего сына боярского с Москвы з грамоты, а пишеть в них, что приходили в предние лета Татарове на государеву украину и грех ради наших взяли в плен дети боярских и боярынъ, мужей и женъ и дети <...> и государь князь велики Иван Васильевич и мати его благочестивая великая княгини Елена повелели своему богомолцу, пастырю Христова стада Великово Новагорода и Пскова владыке Макарию, в ту мзду самому вкупну быти по обежному счету»¹⁹⁴.

4. 7043 г. *Известие о направлении войск на войну с Литвой*: «Того же лета 43 на зиме, месяца декабря, государь князь велики Иван Васильевич всея Руси и мати его благочестивая великая княгини Елена прислали къ своему богомолцу Великово Новагорода и Пскова владыка Макарию, повелеша ему благословити и отпустить своихъ наместниковъ Новгородцкихъ на свое дело, противу своего недруга поити в Литовскую землю, а самому быти у себе въ преименитомъ граде на Москве и молити Господа Бога и пречистую Богородицу и

¹⁸⁸ПСРЛ. Т. 6. С. 292.

¹⁸⁹Новгородская летопись по списку П. П. Дубровского // ПСРЛ. Т. 43. М., 2004 (далее — ПСРЛ. Т. 43). С. 233.

¹⁹⁰ПСРЛ. Т. 43. С. 224—232.

¹⁹¹ПСРЛ. Т. 43. С. 233; ПСРЛ. Т. 6. С. 292.

¹⁹²ПСРЛ. Т. 43. С. 233—234; ПСРЛ. Т. 6. С. 292.

¹⁹³ПСРЛ. Т. 43. С. 234; ПСРЛ. Т. 6. С. 292.

¹⁹⁴ПСРЛ. Т. 43. С. 234; ПСРЛ. Т. 6. С. 293.

великих чудотворцов о устроении земскомъ и о государскомъ здравии великого князя Ивана Васильевича всеа Руси самодержца и о его матери благочестивой великой княгине Елене, о умножение лет живота ихъ и о ихъ христолюбивом воинстве»¹⁹⁵.

5. 7043 г. *Известие о переложении мощей митрополита Алексия в Новую раку*: «В лето 7043 въ царство сына его благовернаго и христолюбиваго великого князя Ивана Васильевича государя самодержца всеа Руси, въ 3 лето государства его, и при его христолюбивой матери великой княгине Елене, положено бысть в сию честную раку, съ псалмы и песни, чудотворное и многоцелебное тело чудотворца Алексея»¹⁹⁶.

6. 7043 г. *Известие о монетной реформе*: «Того же лета 7043 государь князь велики Иван Васильевич всеа Руси, въ третье лето государства своего, по преставлени отца своего великого князя Василья Ивановича всеа Руси, повеле делати денги серебряные новые на свое имя, без всякого примеса из гривенки и скаловые триста денег новгородских, а в московское число три рубля московская ровно <...> И государь князь велики Иван Васильевич и мати его благочестивая великая княгиня Елена, помысля с своими бояры, повелеша те резаные денги заповедати и не торговати ими, и сливати ихъ в серебро, и делати новые денги без всякого примеса»¹⁹⁷. В начальной части известия распоряжение о начале реформы исходит исключительно от великого князя. Елена Глинская появляется лишь во второй части известия, когда описывается совещание боярской думы.

7. 7044 г. *Известие о переложении Псалтири*: «Того же лета 7044, при державе государя великого князя Ивана Васильевича всеа Руси, въ 6-е лето возраста его, а во 3-е лето государства его, и при его матери благочестивой великой княгине Елене, предложена бысть Псалтырь Толковая отъ

римского писания и речи на руское писание и на рускую речь»¹⁹⁸.

8. 7045 г. *Известие об аресте Андрея Старицкого*. Вслед за московскими хронистами новгородские летописцы отмечают совместный характер правления Ивана IV и Елены Глинской («а тогда государство дрѣжашу сыну великого князя Василья Ивановича государю великому князю Ивану Васильевичю всеа Руси, и его матери благочестивой великой княгине Елене») ¹⁹⁹. Вместе с тем акценты в новгородских летописях расставлены несколько иначе. Прежде всего, по-другому определен сам характер событий 1537 г. В отличие от заключительной части Воскресенской летописи и «Летописца начала царства», где произошедшее обозначено как «замятня», в новгородских летописях демарш Андрея Старицкого назван «междоусобной бранью». Упоминания о «лихих людях», спровоцировавших удельного князя на крамолу, отсутствуют. Таким образом, вся вина за произошедшее целиком возлагается на Андрея Старицкого, который забыл заветы своего отца²⁰⁰. Вместе с тем окончательное решение об аресте Андрея Старицкого исходит только от великого князя. Елена Глинская не упоминается.

В целом, памятники новгородского владычного летописания интерпретируют положение Елены Глинской сходным образом с московскими летописями. Однако упоминания о ней не носят систематического характера. В качестве изъявителя политической воли чаще всего упоминается только ее сын. Не прослеживается в тексте также каких-либо намеков на противостояние различных политических институтов. Сама Елена Глинская в соответствии с Повестью о смерти Василия III предстает лишь главой великокняжеской семьи. О том, что власть была передана ей в соответствии с последней волей умирающего государя, речи не идет. Аресты удельных князей не связываются с деятельностью Елены Глинской.

¹⁹⁵ПСРЛ. Т. 43. С. 234—235; ПСРЛ. Т. 6. С. 294—295.

¹⁹⁶ПСРЛ. Т. 43. С. 235; ПСРЛ. Т. 6. С. 295.

¹⁹⁷ПСРЛ. Т. 43. С. 236; ПСРЛ. Т. 6. С. 296.

¹⁹⁸ПСРЛ. Т. 43. С. 238; ПСРЛ. Т. 6. С. 298.

¹⁹⁹ПСРЛ. Т. 43. С. 240; ПСРЛ. Т. 6. С. 303.

²⁰⁰ПСРЛ. Т. 43. С. 240; ПСРЛ. Т. 6. С. 303.

Взаимоотношения Юрия и Андрея с боярами также не очерчены. Вероятно, противоречия московского двора были не вполне понятны новгородским летописцам.

Наше предположение о слабой осведомленности новгородцев в вопросах столичной политики подтверждается характером упоминаний о Елене Глинской и ее правлении в другом памятнике новгородского летописания – Новгородской летописи по списку Н. К. Никольского (БАН, собр. Никольского № 12)²⁰¹. В отличие от Новгородского свода 1539 г., отражавшего официальную позицию новгородской владычной кафедры, данный памятник, судя по всему, имеет частное происхождение. Новгородская летопись по списку Н. К. Никольского состоит из двух частей. Первая доходит до 7030 г. и содержит последовательное летописное повествование, украшена киноварными инициалами и заголовками. Вторая часть охватывает события с 7030 г. по 7064 г., выполнена без использования киновари и представляет собой незавершенные летописные заметки (между некоторыми статьями оставлено место для вставки новых известий). Именно во второй части содержатся сообщения о первых годах великого княжения Ивана IV. Примечательно, что какие-либо упоминания Елены Глинской здесь отсутствуют. Как носитель государственной власти в тексте выступает лишь великий князь.

Среди псковских летописей сведения о правлении Елены Глинской содержат два памятника: т. н. Свод 1547 г. и т. н. Свод 1567 г. Последний сохранился в оригинале – Строевском списке 60-х гг. XVI в. Основной текст в нем завершается 1556 г. Последующий текст носит характер приписок. Рассмотрим упоминания Елены Глинской в обоих памятниках. Составление свода 1547 г. исследователи связывают с Псковским Елизарьевым монастырем и именем старца Филофея. Его составитель проявлял лояльность по отношению к великому князю, обличая порядки,

установленные в городе московскими наместниками²⁰². Под 7042 г. в нем читается сообщение о смерти Василия III, в котором отмечено: «И приказа великое княжение сыну своему большому князю Ивану, и нарече его сам при своем животе великим князем; и приказа его беречи до 15 лет своим бояром не многимь»²⁰³. Таким образом, в тексте упоминается регентский совет, однако об участии в нем Елены Глинской никаких сведений не приводится. Имя великой княгини фигурирует рядом с именем государя один раз – в известии о прибытии архиепископа Макария в Москву: «Тоя же зимы, по Крещении господни, архиепископъ Великого Новагорода и Пскова владыка Макарей приехал во Псков на 4 год, и уприси у великого князя Ивана Васильевича всеа Русии и у его матери великой княгине Елены, вдовы, на свое бремя тотар царя Шигалея людеи, жен, кои сидели в тюрьмах в Новеороде и во Пскове, и подаваше их священником, и повеле их крестити во крестьяньскую веру; и бысть радость велиа в людех о новокрещеных, и начаша их священники давати замуж, а оне к вере крестьяньской добры быша»²⁰⁴. Сообщение о смерти Елены Глинской выглядит в своде 1547 г. следующим образом: «Тоя же зимы, в Великий Постъ, апреля въ 4 день преставися бывшего великого князя Василия Ивановича великая княгини Елена, вдова, оставя сына своего великого князя Ивана Васильевича осми лет, и другаго сына своего меншого князя Юрья шти лет»²⁰⁵. Таким образом, об участии великой княгини в государственных мероприятиях упомянуто лишь единожды. При этом псковский хронист подчеркивает ее статус вдовы.

Свод 1567 г., по мнению А. Н. Насонова, создавался в Псково-Печерском монастыре если не самим игуменом

²⁰²Насонов А. Н. Из истории псковского летописания // ПСРЛ. Т. 5. Вып. 1. Псковские летописи. М., 2003. С. 21.

²⁰³Псковские летописи. Вып. 1 / подготовил к печати А. Н. Насонов. М.; Л., 1941. С. 106.

²⁰⁴Там же. С. 107—108.

²⁰⁵Там же. С. 108.

²⁰¹Публикацию текста см.: Новгородская четвертая летопись // ПСРЛ. Л., 1929. Т. 4. Вып. 3.

Корнилием, то под его руководством. Данный текст оппозиционен по отношению к московской великокняжеской власти и содержит резкие выпады, направленные против государя²⁰⁶. Текст о первых годах правления Ивана IV близок в нем к Своду 1547 г. Вероятно, оба памятника восходят к общему прототипу. Однако в Своде 1567 г. повествование существенно сокращено. В нем отсутствуют подробности, касающиеся вокняжения Ивана IV: «Преставился князь великий Василей Иванович декабря в 4, и поставиша на княженье великом на Москве Иоанна Васильевича»²⁰⁷. Какие-либо упоминания о Елене Глинской, в том числе и сообщение о ее кончине, в тексте отсутствуют вовсе. Подобное умолчание свидетельствует о крайне низком значении ее политического статуса в глазах составителя Свода 1567 г. Возможно, оппозиционно настроенный автор был склонен намеренно преуменьшать ее роль.

Характеристика правления Елены Глинской содержится в некоторых списках т. н. Вологодско-Пермской летописи. Данный памятник сохранился в нескольких редакциях. По мнению М. Н. Тихомирова, с Вологодой своим происхождением связана лишь первая из них, доходившая примерно до 1502 г. В более поздних редакциях текст был дополнен до 1528 г. по летописи чисто московского происхождения, сходной с Воскресенской и Софийской II летописью, восходящей с двумя последними к общему источнику. Уже в 1540–1550-е гг. произошла вставка известий за 1529–1539 гг., отразившаяся в списках СПБИН РАН. Колл. Археографической комиссии № 251 (далее – Кирилло-Белозерский список), ГИМ. Синодальное собр. № 485 (далее – Синодальный список), ГИМ. Чертковское собр. № 360 (далее – Чертковский список). М. Н. Тихомиров считал, что в них отразилась третья редакция памятника²⁰⁸. В контексте настоящего исследования нас будет

интересовать именно этот летописец за 1529–1539 гг. В известии о смерти великого князя Василия III Елене Глинская не упоминается. Последняя воля Василия III представлена следующим образом: «А по смерти своеи благословил на великое княжение Московское сына своего великого князя Ивана Васильевича и на Владимирское, и Ноугородцкое, и Московское, и Тферьское, и Псковское, и Суздальское, и всеа Руси»²⁰⁹. Ниже по тексту какие-либо сообщения об участии Елены Глинской в государственных мероприятиях отсутствуют. Великая княгиня фигурирует лишь в сообщении об аресте Андрея Старицкого, причем не в самом лицеприятном контексте. В Кирилло-Белозерском, Чертковском и Синодальном списках сообщается: «Того же лета здумав великая княгини Елена з бояры имати князя Ондreja Ивановича, брата великого князя Василья Ивановича, и посла по него в Старицу»²¹⁰. Таким образом, основным инициатором ареста представлена именно Глинская, которая действовала в союзе с московским боярством. Их мотивы никак не объясняются. В тексте не упоминаются попытки старицкого князя привлечь на свою сторону новгородских детей боярских. Более того, в заключительной части Вологодско-Пермской летописи сообщается: «И князь великий и великая княгини послали за ним боярина своего князя Микиту Васильевича Оболенского Хромого да боярина же своего и конюшего князя Ивана Федоровича Оболенского Телепнева Овчину, а велели его к себе звати, чтоб онъ шол на Москву, и князь великий его пожалует и вотчины ему придасть»²¹¹. В данном контексте обещания безопасности и пожалований, которые дал князю Андрею Телепнев-Оболенский, выглядят не как его самоуправство, а как исполнение государевой воли. Арестовав удельного князя, московские власти нарушили данное ими слово. Таким образом, сообщение Вологодско-Пермской летописи изображает Елену Глинскую в резко негативном свете. Она кооперируется с

²⁰⁶ Насонов А. Н. Из истории псковского летописания. С. 21.

²⁰⁷ Псковские летописи. Вып. 2 / под ред. А. Н. Насонова. М., 1955. С. 227.

²⁰⁸ Тихомиров М. Н. Русское летописание. М., 1979. С. 153–154.

²⁰⁹ ПСРЛ. Т. 26. С. 315, 321.

²¹⁰ Там же. С. 317, 322–323.

²¹¹ Там же. С. 318, 323.

боярами и без явной причины решает арестовать Андрея Ивановича, а потом нарушает свое слово, приказав арестовать удельного князя.

В сходном ключе арест Андрея Ивановича представлен в «Повести о поимании князя Андрея Ивановича Старицкого». Текст был впервые опубликован М. Н. Тихомировым по списку ГИМ. Синодальное собр. № 645, содержащему т. н. Летописный свод 1518 г. (Уваровскую летопись)²¹². Исследователь обратил внимание на заголовок «О князе Ондреи Ивановичи, егда бысть гоним гневом Божиим, грех ради наших». По мнению М. Н. Тихомирова, озаглавить текст подобным образом мог лишь сторонник Андрея Старицкого²¹³. На наш взгляд, данный памятник еще более категоричен по отношению к власти великого князя, чем известие Вологодско-Пермской летописи. Перед «Повестью о поимании» помещено известие об аресте Юрия Дмитровского: «Того же месяца в 11, на память преподобнаго отца нашего Данила Столпника, великая княгиня Елена и сын ее князь великий Иван Василевич всея Руси поимаша дядю своего князя Юрья Ивановичь Дмитровского и посадиша его на Москве в полате»²¹⁴. Можно предположить, что упоминание Ивана IV в контексте ареста Юрия Дмитровского является этикетной формулировкой. Малолетний ребенок, конечно, не мог принимать сознательное участие в политических делах. Однако в «Повести о поимании» роль Ивана Васильевича представлена несколько иначе: «В лето 7045. Князь великий Иван Васильевич всея Руси и мать его великая княгиня Елена нача помышляти, как бы им князя Ондрея Ивановича зымать, яко же и брата его князя Юрья Ивановичь, и как бы от

князя Ондрея люди его от него отвести»²¹⁵. Из текста следует, что великий князь вместе с великой княгиней выстроили план поимки Андрея Старицкого. Складывается впечатление, что в семь лет Иван мог быть независимым участником политических отношений. О какой-либо роли бояр в аресте Андрея Старицкого не упоминается. Великий князь и великая княгиня с ними не советуются и действуют самостоятельно. Таким образом, Андрей Старицкий в «Повести о поимании» представлен жертвой интриг, однако вина за его арест возлагается непосредственно на великокняжескую власть.

Довольно необычным образом освещает правление Елены Глинской памятник, вошедший в историографию под наименованием «Летописец Марка Левкеинского», помещенный в рукописи РГБ. собр. Иосифо-Волоколамского монастыря № 515 на л. 511 – 515 об.²¹⁶ В научный оборот данный текст был введен А. А. Зиминим. Исследователь считал Марка Левкеинского составителем сборника. На этом основании он дал наименование летописцу, помещенному в рукописи. При этом А. А. Зимин включил в текст летописца не только заметки на л. 511–515 об., но также известия за 7058–7061 гг. на л. 491–491 об.²¹⁷ С обоими положениями исследователя согласиться трудно. Во-первых, в сборнике действительно фигурирует имя Марка Левкеинского. На л. 1 и 533 об. читаются владельческие записи по нижнему полю: «Сборник Марка Левкеинского». Вероятно, обе пометы были сделаны самим Марком Левкеинским. При этом почерк обеих записей отличается от почерков, которыми написана рукопись. Владельческие записи выполнены слабовыработанным полууставом. Человек, которому принадлежал данный почерк, был грамотным, однако едва ли являлся

²¹²Тихомиров М. Н. Русское летописание. С. 220—224. Повторная публикация текста: Летописный свод 1497 г. Летописный свод 1518 г. (Уваровская летопись) // ПСРЛ. М.; Л., 1963. Т. 28 (далее — ПСРЛ. Т. 28). С. 356—357.

²¹³Тихомиров М. Н. Русское летописание. С. 220.

²¹⁴ПСРЛ. Т. 28. С. 356.

²¹⁵Там же.

²¹⁶Описание см.: *Иосиф, иером.* Опись рукописей, перенесенных из Библиотеки Иосифова монастыря в Библиотеку Московской духовной Академии // ЧОИДР. М., 1882. Кн. 3. С. 149—154.

²¹⁷Зимин А. А. Краткие летописцы XV–XVI вв. // Исторический архив. М.; Л., 1950. № 5. С. 3.

профессиональным книгописцем. Если владельческие принадлежат самому Марку Левкеинскому, то он был лишь владельцем рукописи, а не ее составителем. Нет оснований связывать тексты, помещенные в ее составе, с именем данного человека. Вторых, записи на л. 491–491 об. и на л. 511–515 об. выполнены разными почерками и не стыкуются хронологически. Следовательно, перед нами две различных серии летописных заметок, авторами которых могли быть разные люди. В контексте настоящего исследования интерес для нас представляют записи на л. 511–515 об. Характеризуя образ Елены Глинской в данном памятнике, В. В. Шапошник пишет лишь, что великая княгиня упоминается в нем несколько раз. Исследователь считает, что его составитель скрыто осуждает правительницу, поскольку она фигурирует в известиях об арестах и опалах²¹⁸. Ниже мы приводим известия данного памятника, в которых упоминается Елена Глинская, чтобы понять особенности изложения материала, связанного с ее политической деятельностью:

1. 7042 г. *Известие о направлении бояр на службу*: «Таго ж лета великая княгиня Елена з бояры думала, да велела князеи и бояр да на службу посылати»²¹⁹.

2. 7042 г. *Известие об аресте Михаила Глинского*: «Того же лета поимали князя Михаила Глинского да князя Ивана Бельского, да князя Ивана Воротынского с трема сыны. Ополелася великая княгиня Елена на мать свою на княгиню Анну»²²⁰.

3. 7043 г. *Известие о походе литовских воевод на Гомель*: «Лета 7043 приходили воеводы литовские князь Семен Бельской да Иван Ляцкой на Украину на Стародубскую к Гомью и стаяли много. И чернь Гомью здала, а воеводу князя Дмитрея Щепина пустили вон. И выпустив его, да ограбили, да и людеи многих поимали. И князь великий Иван Васильевич и великая княгиня Елена князя Дмитрея велели

поймати, да посадили в Свиблову стрельню, а назвали его изменщиком»²²¹.

В Летописце Марка Левкеинского мы сталкиваемся с необычной ситуацией – указы исходят непосредственно от Елены Глинской. В некоторых известиях великий князь Иван Васильевич даже не упоминается (№ 1, 2)²²². Великая княгиня предстает полновластной правительницей, каковой она, судя по всему, и являлась в годы малолетства сына. Автор ничего не сообщает о последней воле Василия III относительно ее положения. В одном известии (№ 1) Елена Глинская выступает своеобразным лидером бояр. Решения великой княгини далеко не всегда справедливы. В частности, в известии о взятии Гомья (№ 3) из текста следует, что Дмитрий Щепин был арестован без вины. В памятнике воевода предстает жертвой обстоятельств, а сдачу города его составитель приписывает воле взбунтовавшейся «черни». При этом автор неоднократно упоминает Андрея Старицкого. Первый раз он пишет, что удельный князь стоял с воеводами в Боровске. Второй раз он сообщает, что Андрей Иванович прошел с воеводами в Можайск. Оба указанных сообщения малопримечательны. Вместе с тем, на наш взгляд, именно данная их особенность представляет наибольший интерес. Возникает целый ряд вопросов. Почему автор среди сообщений о значимых событиях, к каковым относятся военные походы и репрессии при дворе, решил поместить нейтральные и малозначимые известия о дислокации войск Андрея Старицкого? Каким образом он получил сведения о перемещениях удельного князя? Ответить на них можно, только если предположить, что составитель был каким-то образом связан с Андреем Ивановичем. Возможно, он входил в его окружение или симпатизировал ему. Если наше предположение соответствует действительности, тогда становятся понятными причины критических выпадов

²¹⁸Шапошник В. В. Придворная борьба в русском государстве 30-х годов XVI века. С. 238, 242.

²¹⁹Зимин А. А. Краткие летописцы XV–XVI вв. С. 12.

²²⁰Там же. С. 13.

²²¹Там же. С. 13.

²²²Нечто подобное мы наблюдали в отдельных известиях «Летописца начала царства», а также в известии об аресте Андрея Старицкого в Вологодско-Пермской летописи.

автора в отношении боярства и лично Елены Глинской, по решению которой удельный князь оказался в заключении.

Одним из наиболее известных памятников частного летописания XVI в. является т. н. Постниковский летописец. Его текст известен по единственной рукописи РГАДА. собр. Оболенского № 164, содержащей известия за 7011–7055 (1503–1547 гг.). Данный памятник был обнаружен М. Н. Тихомировым²²³. Статьи за 1533–1547 гг. исследователь считал особым летописцем. Поэтому он опубликовал их отдельно. Авторство данного текста М. Н. Тихомиров приписывал великокняжескому дьяку Постнику Губину Маклакову. Собственно, по его имени ученый и назвал памятник. Исследователь считал Постниковский летописец весьма интересным историографическим произведением, своеобразными мемуарами, изложенными в форме летописи. По мнению М. Н. Тихомирова, Постник Губин приводил в порядок свои летописные записи, последняя из которых относится к 1547 г., однако не успел закончить текст²²⁴.

Известие о смерти великого князя Василия III читается в Постниковском летописце в двух вариантах. Первый представляет собой краткое известие. Елена Глинская в нем не упоминается. Согласно данной версии, власть перешла лишь к великому князю Ивану Васильевичу: «И прияха великое княжение после отца своего великого князя Василья сын его князь великий Иван Васильевич всеа Руси 3-х лет и 4 месяц и 11 дней»²²⁵. Второй вариант – пространная Повесть о смерти Василия III. Выше мы уже писали, что в ней упоминается целование креста великому князю и великой княгине, которая, таким образом, получила определенные властные полномочия. Ниже по тексту Елена Глинская упоминается как правительница лишь в двух сообщениях:

1. 7042 г. *Известие об аресте Михаила Глинского*: «Того же лета августа в 5 день князя Михаила Глинского велел князь великий и великая княгини поимати»²²⁶.

2. 7045 г. *Известие об аресте Андрея Старицкого*: «И князь великий Иван Васильевич и великая княгини Елена велели его поимати»²²⁷. Известие сходно с Воскресенской летописью, однако представлено в более кратком варианте. Из текста удалена предыстория «мятежа». Повествование начинается с бегства Андрея из Старицы. Мотивы действий удельного князя не ясны.

Оба сообщения посвящены политическим арестам. Можно было бы предположить, что составитель Постниковского летописца связывает полномочия Елены Глинской прежде всего с указанной сферой. Однако данной гипотезе противоречит тот факт, что в известии об аресте Юрия Дмитровского великая княгиня не упоминается. В Постниковском летописце отмечается: «Месяца декабря в 11 день, в четверг, после великого князя Васильева смерти в осмы день поимали бояре великого князя Васильева брата князя Юрья Ивановича Дмитровского на Москве и бояр его и диаков»²²⁸. Данная версия отчасти сходна с показаниями «Летописца начала царства». В последнем, однако, Елена Глинская упоминается. Остается предположить, что в Постниковском летописце упоминания о великой княгине и ее участии в государственных мероприятиях не носят систематического характера.

Сведения о периоде правления Елены Глинской содержит третий краткий Кирилло-Белозерский летописец, опубликованный А. А. Зиминым. Исследователь отметил, что большинство известий в нем сухие и лапидарные²²⁹. Лишь в самом конце содержатся любопытные данные о событиях, происходивших в 1533–1537 гг. Елена Глинская упомянута в нем дважды:

²²³Тихомиров М. Н. Записки о регентстве Елены Глинской и боярском правлении 1533–1547 гг. // Исторические записки. 1954. Т. 46. С. 278–288.

²²⁴Там же. С. 279, 281, 283.

²²⁵ПСРЛ. Т. 34. С. 17.

²²⁶Там же. С. 25.

²²⁷Там же.

²²⁸Там же. С. 24.

²²⁹Зимин А. А. Краткие летописцы XV–XVI вв. С. 8.

1. 7043 г. *О перенесении мощей митрополита Алексея в новую раку*: «Лета 7043. Князь велики Иван Васильевич всея Руси, поговоря с отцом своим з Данилом митрополитом и с матерью своею великою княгинею Еленою, преложиша мощи чудотворца Алексея митрополита в новую раку сребрану»²³⁰.

2. 7043 г. *Постройка Китай-города*: «Того ж лета князь велики Иван и мати его великая княгини Елена повелели на Москве поставити град каменной у земляного города, что был наперед того земляной город поставлен»²³¹.

В первом случае она фигурирует как советница наряду с митрополитом Даниилом. Примечательно, что имя владыки расположено перед именем великой княгини. Безусловно, в церковных вопросах позиция митрополита была более весомой по сравнению с положением Глинской. В известии о строительстве Китай-города составитель упомянул великого князя и великую княгиню как правителей, применив классическую формулу регентства. В целом, однако, круг упоминаний Елены в рассматриваемом памятнике весьма узок. Ее имя отсутствует в сообщении об аресте Юрия Дмитровского, о направлении войск в литовские земли и даже в сообщении о денежной реформе. Во всех этих известиях упоминается лишь великий князь. При этом в отличие от летописца Марка Левкеинского и Хронографической летописи (о ней речь пойдет ниже), автор краткого Кирилло-Белозерского летописца не демонстрирует выраженных политических симпатий или антипатий. В частности, он не упоминает в каком-либо контексте бояр и боярскую думу. О князе Андрее Старицком составитель не сообщает каких-либо сведений, а о Юрии Дмитровском пишет лишь, что последний был арестован. В целом позиция составителя рассматриваемого памятника выглядит нейтральной.

Одним из наименее изученных памятников русского летописания, содержащим сообщения о правлении Елены

Глинской и боярском правлении, является т. н. «Хронографическая летопись», известная также как «Продолжение Хронографа 1512 г.». Данный памятник содержит известия за 1451–1551 гг. и непосредственно примыкает к тексту некоторых списков Хронографа 1512 г. Впервые Хронографическая летопись была опубликована в приложениях к 22-му тому Полного собрания русских летописей. Текст был набран по единственному известному на тот момент дефектному списку рубежа XVII–XVIII вв. РГБ. Музейное собр. 697 (далее – Музейный список) и передан не вполне точно²³². Публикаторам был известен еще один список РНБ. собр. М. П. Погодина 1443 (далее – Погодинский список), однако повествование в нем обрывалось на 1485 г. Впоследствии М. Н. Тихомиров обратил внимание на рукопись ГИМ. собр. Барсова 1799, которая оказалась еще одним списком Хронографической летописи (далее – Барсовский список)²³³. С. О. Шмидт установил, что Погодинский и Барсовский списки являются частями одной рукописи. Исследователь впервые опубликовал полный текст памятника по списку XVI в., восстановив механические утраты по Музейному списку, который признал неисправным²³⁴. Характеризуя особенности Хронографической летописи, хотелось бы отметить, что наиболее вероятным местом ее составления является Москва, поскольку основное внимание уделяется событиям, происходившим в столице. Автор демонстрирует осведомленность в вопросах придворной жизни, дипломатии, а также разрядного делопроизводства. В тексте сообщаются уникальные сведения о пожаре 1547 г. и о последовавшем за ним московском восстании. Одним из оригинальных сообщений Хронографической летописи является известие о «соборе примирения» 1549 г.²³⁵ Еще одной примечательной

²³²Платонов С. Ф. Иван Грозный. Пг., 1923. С. 61, примеч. 1.

²³³Тихомиров М. Н. Источниковедение истории СССР. Т. I. М., 1940. С. 134, 162.

²³⁴Шмидт С. О. Продолжение хронографа редакции 1512 года // Исторический архив. Том VII. М. —Л., 1951. С. 254–258.

²³⁵Там же. С. 295.

²³⁰Там же. С. 38.

²³¹Там же.

особенностью рассматриваемого памятника является высокая степень информированности его автора о назначениях воевод²³⁶. Подобного рода сведения могли быть доступны лишь человеку, имеющему доступ к разрядному делопроизводству. Вышеперечисленные обстоятельства позволяют высказать догадку, что по своей природе Хронографическая летопись близка к Постниковскому летописцу. Ее краткие сообщения представляют собой заметки частного происхождения, записанные, однако, человеком, близким к государеву двору. При этом автор не принадлежал к высшей знати, поскольку составленный им текст носит выраженный антибоярский характер (об этом речь пойдет ниже).

Рассмотрев в самых общих чертах особенности текста Хронографической летописи, переходим к упоминаниям Елены Глинской в ней. Сообщение о смерти Василия III выглядит в ней следующим образом: «[В лета] 7042, сентября, в осенинах, князь [велики] Василей и с великою княгинею Еле[ною и с де]тми ездил к Троице к чудотв[орцу], к Сергиеве памяти молиться, [да от]толе был во объезде на Вол[оце, да и] на Волоце розболеса, и прие[хал на] Москву болен ноября в 20 день [в неде]лю, и преставися на Москве на В[арва]рин день в чернцах и в схиме, и [положе]н во Архангеле на Москве, и н[арече]н в мнишеском чину Варлаам. И [по не]м седе на государьстве на Владимирском и на Московском и на Новго[родском] и на всеи Русской земле сын его [князь] велики Иван, а остался от отца [трех] лет»²³⁷. В известии Елена Глинская не упоминается. Однако сведения о ее участии в государственной деятельности встречаются ниже по тексту:

1. 7042 г. *Известие о строительстве Китай-города в Москве:* «Того же лета, повелением великого князя Ивана и матери его великие княгини Елены,

зде[л]ал Петр Фрязин Малою на Мось[кв]е новой город Китай земляною»²³⁸.

2. 7043 г. *Известие об отправлении воевод на Литву:* «В лето 7043 [послал] князь велики Иван Васильев[ичь, всея] Руси и матери его великая кня[гиня] Елена] зиме воевати Литовские [земли к Ви]льне с Москвы воевод своих»²³⁹.

3. 7045 г. *Известие о поставлении города на Пронске:* «В лето 7045, октября в 8 день, повелением государя нашего великого князя Ивана Васильевича всея Руси и матери его великие княги[н]и Елены поставлен город на Проньску, а мастер был Петр Фря[зи]н Малою»²⁴⁰.

На первый взгляд, упоминания Елены Глинской рядом с государем в Хронографической летописи нельзя назвать систематическими. В большинстве известий о ее участии в государственных мероприятиях ничего не сообщается. Более того, ее имя отсутствует даже в кратком сообщении об аресте Андрея Старицкого. Однако при более внимательном рассмотрении становится очевидно, что составитель Хронографической летописи вовсе не склонен преуменьшать значение великой княгини. Повествование о первых десятилетиях правления Ивана IV можно с известной долей условности разделить на две части: до смерти Елены Глинской и после кончины великой княгини. Вторая часть носит выраженный антибоярский характер (о чем было упомянуто выше). В частности, низложение митрополита Даниила описано в тексте следующим образом: «А Данил митрополит оставил митрополию не своею волею, боясь бояр, и отшел в Осифов монастырь»²⁴¹. Еще более показательным выглядит известие о казни Федора Мишурина: «Тое же осени бояре казнили дьяка Феодора Мишурина, без великого князя ведома, не любя того, что он стоял за великого князя дела»²⁴². Данное сообщение наполнено сочувствием к

²³⁸ Там же. С. 286.

²³⁹ Там же. С. 286.

²⁴⁰ Там же. С. 287—288.

²⁴¹ Там же. С. 288.

²⁴² Там же.

²³⁶ Там же. С. 286—287 и далее.

²³⁷ Там же. С. 285.

казненному. В тексте прямо говорится о том, что Мишуриин действовал в интересах государя. Вместе с тем автор намекает на то, что бояре шли против великого князя. Довольно показательно выглядит известие о рукоположении в новгородские архиепископы Феодосия: «А Новугороду Великому поставлен архиепископом Феодосей с Хутыни, Семеновской человек Воронцова, повелением боярским»²⁴³. Из текста следует, что хотя Феодосий был связан с родом Воронцовых, его назначение было выгодно боярам в целом. Именно бояре, а не великий князь, по мнению составителя Хронографической летописи, организовали казнь Андрея Михайловича Шуйского, отдав его псарям²⁴⁴. Таким образом, в памятнике создается целостная концепция боярского правления. Бояре представлены как единая сила, проводящая политику, не соответствующую интересам государя. Внутри боярства могут возникать разногласия, однако чаще они выступают единым фронтом. Лишь в 1549 г., после достижения совершеннолетия, государю удалось достичь некоторых договоренностей с элитой. Примечательно, что в «первой части», описывающей события до смерти Елены Глинской, не упоминается о случаях боярского самоуправства. Из этого следует, что при жизни великой княгини знать удавалось сдерживать. Автор не говорит об этом напрямую в силу особенностей летописного жанра. Однако, на наш взгляд, он был склонен рассматривать власть великой княгини как институт, обеспечивавший государственную стабильность. При этом в Хронографической летописи никак не поясняются основания ее власти. Более того, в известии о смерти Василия III единственным правопреемником выступает Иван IV. Это не значит, однако, что составитель памятника не признавал власть Глинской законной. Выше мы отметили, что в Хронографической летописи имеем дело с краткими летописными заметками, которые вполне могли фиксироваться в разное время. В этих

условиях могла страдать концептуальная целостность повествования.

§7. Елена Глинская в Архивской редакции Летописного свода 1560 г.

Завершая изучение образа Елены Глинской в русском летописании, считаем необходимым остановиться на одном из крупнейших памятников XVI в. – Летописном своде 1560 г. Заключительная его часть с 1533 г. по 1560 г. выполнена по «Летописцу начала царства». Поэтому первоначальная редакция Свода в описании правления Елены Глинской не отличается от последнего. Нас будет интересовать вторая редакция рассматриваемого памятника, созданная в конце XVI в. Ее составитель симпатизировал семье Шетневых (далее – Шетневская редакция)²⁴⁵. Одной из ее отличительных особенностей является стремление максимально сократить упоминания о Елене Глинской²⁴⁶. Из текста были изъяты почти все упоминания об участии великой княгини в государственных мероприятиях. Сложно сказать, с какой целью позднейшим редактором в текст была внесена подобная правка. Изменения могли быть своеобразной реакцией на ситуацию, сложившуюся при дворе после смерти Ивана Грозного. Общеизвестным является тот факт, что царь Федор не обладал способностями к управлению государством. В этих условиях ведущую роль в русской политике стала играть семья Годуновых. Жена царя Федора Ирина приходилась родной сестрой Борису Годунову. По некоторым данным она принимала участие в политической жизни страны. Ее имя периодически появляется рядом с именем государя в жалованных грамотах монастырям. Ирина состояла в переписке с иностранными правительницами – королевой Англии Елизаветой и первой супругой кахетинского царя Александра II Тинатин. После утверждения в России

²⁴⁵О редакциях Летописного свода 1560 г. см.: Жуков А. Е. «Летописец начала царства» и русское летописание XVI в. С. 137–154.

²⁴⁶Жуков А. Е. 1) Летописец начала царства в составе Свода 1560 г. // Вестник СПбГУ. № 4. 2014. С. 171–172; 2) «Летописец начала царства» и русское летописание XVI в. С. 150–152.

²⁴³Там же. С. 289.

²⁴⁴Там же.

патриаршества она участвовала в приеме патриарха Иеремии II. В 1590 г. она обменивалась дарами с иерархами православного востока²⁴⁷. Могущество Годуновых устраивало далеко не всех. Их противники пытались воспользоваться тем, что царица не могла родить государю детей. В 1586 г. митрополит Дионисий, а также бояре Иван Петрович, Василий, Андрей и Дмитрий Иванович Шуйские созвали совет, на котором стали требовать развода царя и Ирины Годуновой. Шуйские спровоцировали в Москве беспорядки и даже попытались разгромить двор Годуновых, однако потерпели неудачу. Мятеж был подавлен, а Шуйские утратили свое влияние при дворе²⁴⁸. Можно предположить, что составитель Шетневской редакции проводил определенные параллели между великой княгиней Еленой и царицей Ириной. Если он являлся противником «партии» Годуновых, он вполне мог усматривать в положении Глинской прецедент, который усиливал позиции действующей царицы и наделял ее дополнительными возможностями участвовать в управлении государством. Как бы ни была привлекательна данная гипотеза, от нее приходится отказаться. Во-первых, положение Елены Глинской и Ирины Годуновой при некотором сходстве существенно отличалось. Первая была «матерью вдовой» и фактически принимала на себя полномочия главы семьи. Вторая же являлась женой при живом муже и не могла претендовать на официальный статус соправительницы или регента. Елена Глинская родила своему супругу двух сыновей, что делало ее положение при дворе достаточно прочным. Ирина Годунова так и осталась бездетной, что, как было отмечено выше, подрывало ее позиции. Во-вторых, если бы составитель Шетневской редакции проводил параллели между двумя великими княгинями, ему следовало бы более

тщательно удалять упоминания о Елене Глинской. В некоторых случаях он сохранил ее имя. В частности, в известии о смерти Василия III, как и в других списках Свода 1560 г., в соответствии с текстом «Летописца начала царства» отмечается, что государь возложил на Елену Глинскую обязанности регента до совершеннолетия Ивана Васильевича²⁴⁹. Кроме того, упоминания о Елене Глинской сохранились в известии о снятии опалы с царя Шигалея. В частности, в данном сообщении читается: «И царь Шигалеи бил челом великому князю, чтобы ему великий государь велел быти у матери своей у великой княгини Елены, побити челом великой княгини Елены, побити челом великой государине. И благочестивая царица Елена о том посоветовала з бояры, что пригоже у ней быти царю, занеже еще великий государь млад, а положения царьского скипетра державы Великия Росии все есть Богом положенно на ней»²⁵⁰. Следует заметить, что в процитированном отрывке Елена названа государыней и царицей. В тексте сохранились пассажи, указывающие на ее положение правительницы. Наконец, упоминания о Елене Глинской сохранились в повести об аресте Андрея Старицкого²⁵¹. На наш взгляд, сокращение упоминаний о великой княгине в Шетневской редакции Свода 1560 г. следует объяснять не политической обстановкой конца XVI в., а особенностями книжной культуры допетровской Руси. Упоминания об участии великих княгинь в управлении государством не были типичными для русского летописания. Вероятно, именно поэтому позднейший редактор решил сократить формулировки подобного характера, оставив сведения о Елене Глинской лишь в наиболее важных сообщениях.

§8. Итоги

Русские хронисты XVI в. признавали правление Елены Глинской как свершившийся факт, упоминая ее в известиях

²⁴⁷Назаров В. Д. Годунова Ирина Федоровна // Большая Российская энциклопедия. М., 2007. Т. 7. С. 297.

²⁴⁸Скрынников Р. Г. Россия накануне «Смутного времени». М., 1981. С. 38—39.

²⁴⁹РГАДА. МГАМИД № 11. Т. 4. Л. 2.

²⁵⁰РГАДА. МГАМИД № 11. Т. 4. Л. 24.

²⁵¹Там же. Л. 37 об. — 39 об.

наряду с великим князем в качестве государыни и правительницы. В большинстве памятников упоминания не носят систематического характера. Иногда Иван IV фигурирует в тексте без матери как единственный инициатор того или иного решения. Кроме того, имя великой княгини если и присутствует, то помещается в большинстве известий после имени государя. Данное обстоятельство, однако, не должно вводить нас в заблуждение. Включая в текст сведения об участии Елены Глинской в государственных мероприятиях, летописцы руководствовались определенным литературным и делопроизводственным этикетом. В соответствии с ним Глинская могла либо не упоминаться вовсе, либо упоминаться после великого князя. Однако то обстоятельство, что в отдельных случаях «историографы» XVI в. отступали от данного правила, упоминая ее в качестве единственного инициатора тех или иных политических деяний (без великого князя), может рассматриваться как свидетельство наличия у них определенного понимания политического значения великой княгини.

Вместе с тем единая оценка правления Елены Глинской в памятниках русского летописания отсутствует. Древнерусские хронисты по-разному подходили к вопросу о ее политическом статусе. Различным образом они характеризовали ход ее правления и характер взаимоотношений с другими политическими силами. Столичные «историографы» стремились прежде всего обозначить ее политический статус. В московском историописании существовало два подхода к решению данной проблемы. Первый подход нашел отражение в Повести о смерти Василия III. В ней содержатся указания на то, что после смерти супруга Елена Глинская наделялась некоторой властью. Характер властных полномочий не вполне ясен, однако основанием для них, согласно Повести, является то обстоятельство, что после смерти мужа великая княгиня стала «матерью вдовой» и фактической главой правящей семьи. Статус Елены Глинской и ее компетенция не были обозначены. Не были достаточно четко прописаны в Повести и взаимоотношения Елены Глинской с другими политическими

силами. Можно предположить, что отсутствие конкретики в интерпретации политических вопросов стало причиной, по которой концепция Повести не прижилась в позднейшей исторической книжности. Второй подход отразился в заключительной части Воскресенской летописи и перешел в «Летописец начала царства», Степенную книгу Царского родословия и Лицевой летописный свод. В указанных памятниках отмечается, что Елена Глинская была назначена правительницей вплоть до совершеннолетия своего сына в соответствии с последней волей ее умирающего супруга. Взаимоотношения великой княгини с другими политическими силами придворные «историографы» характеризовали по-разному. В Воскресенской летописи Елена Глинская выступает единым фронтом с боярской думой и митрополитом против удельных князей, которые предстают зачинщиками всевозможных заговоров и мятежей. В «Летописце начала царства» роль боярской думы и митрополита сведена к минимуму. Елена Глинская представлена полноправной правительницей. Составитель не ограничивается простым обоснованием законности ее статуса, но отмечает также целый ряд личных качеств великой княгини: мудрость, христианское благочестие и т. д. Удельных князей, насколько возможно, автор реабилитирует. Зачинщиками крамол он представляет бояр. Последний опыт осмысления правления Елены Глинской в летописании XVI в. представлен в Лицевом летописном своде. Сначала его составители положили в основу повествования текст Воскресенской летописи, дополнив его отдельными упоминаниями о великой княгине. Прделанная работа отразилась в Синодальном томе Лицевого свода и, очевидно, была признана неудачной. Правление Елены Глинской было полностью переработано при составлении Царственной книги. Несмотря на то, что итоговый текст представлял собой компиляцию Воскресенской летописи и «Летописца начала царства», дополненную отдельными сообщениями, заимствованными из других памятников, его концепция отличается от концепции его источников. С одной стороны, Елена Глинская предстает в Царственной

книге полноправной правительницей, как в «Летописце». С другой, – аресты удельных князей изложены в памятнике в соответствии с Воскресенской летописью. Согласно Лицевому своду, в своей политике Елена Глинская не может опереться ни на удельных князей, ни на боярство. В интерпретации ее правления московская историческая книжность проделала определенный путь по направлению к усилению централизаторских взглядов, которые отражали эволюцию политики самого Ивана IV. На первом этапе правления он мог искать поддержку со стороны различных сил, с мнением которых вынужден был при этом считаться. Уже в 70-е гг. государь сосредоточил в своих руках всю полноту власти, однако не мог более доверять никому. В этом же направлении менялись и представления о политической роли Елены Глинской. В Воскресенской летописи она правит, опираясь на помощь боярства. В «Летописце начала царства» великая княгиня занимает положение единоличной правительницы, однако ее окружение не является однозначно враждебным по отношению к ней. В Лицевом своде (Царственной книге) на вершине власти Елена Глинская оказывается в полном одиночестве, окруженная недоброжелателями.

Еще одной особенностью памятников московского официального летописания является стремление их составителей сделать упоминания об участии Елены Глинской в управлении государством систематическими. В Воскресенской летописи правительница упоминается рядом с великим князем под 7042–7043 гг. в большинстве известий, кроме сообщений, посвященных дипломатическим контактам с соседними странами. Под 7044 г. сведения о ее участии в земских делах исчезают. Мы склонны связывать это с тем, что комплекс статей за 7042–7043 гг. и известия за 7044 г. создавались в разное время или разными людьми. В «Летописце начала царства» упоминания Елены Глинской становятся систематическими. Она фигурирует даже в отдельных известиях посольского характера. Вместе с тем подобных сообщений немного, а сама

великая княгиня в них либо находится на второстепенных позициях, либо не принимает непосредственного участия в переговорах. В основу Лицевого свода была положена Воскресенская летопись. Однако составители дополнили текст упоминаниями Елены Глинской, которые отсутствовали в его источниках.

Не столь однозначно обстоит ситуация с памятниками регионального и частного летописания. Сведения о последней воле великого князя относительно Елены Глинской в них, как правило, отсутствуют²⁵². Сама великая княгиня упоминается не систематически. Сообщения о ее участии в земских делах могут присутствовать в одном известии и отсутствовать в другом. Подобная непоследовательность может объясняться самим характером частных летописцев, в которые известия могли вноситься в разное время из разных источников, или же слабым представлением о московской политической действительности. Несколько чаще великая княгиня упоминается в памятниках новгородского владычного летописания. Данное обстоятельство, однако, не значит, что для регионального и частного летописания характерна тенденция к преуменьшению политической роли великой княгини. Напротив, в некоторых памятниках отмечается высокая степень ее влияния на государственные дела (Летописец Марка Левкеинского, Хронографическая летопись). Даже в Вологодско-Пермской летописи, в которой упоминания о Елене Глинской почти отсутствуют, фиксируется ее роль в аресте Андрея Старицкого. Оценки политики Елены Глинской в памятниках регионального и частного летописания разнятся от положительных до резко критических. В частности, довольно доброжелательные

²⁵²Исключение составляют Новгородский владычный свод 1539 г. и Постниковский летописец, в которые была включена Повесть о смерти Василия III. Последняя, как было отмечено выше, содержала определенные замечания относительно политического статуса Елены Глинской. Однако ее концепция не получила признания в великокняжеской историографии и может быть признана маргинальной для русской исторической книжности.

оценки великой княгини содержат памятники новгородской традиции, в которых к ней неоднократно применяется эпитет «благочестивая». В известиях о политических репрессиях она не упоминается. Ее имя присутствует в сообщении о выступлении Андрея Старицкого. Однако в той части текста, где речь идет непосредственно об аресте, великая княгиня не фигурирует. Кроме того, сам удельный князь представлен мятежником, затеявшим междоусобную брань. Негативные отзывы о Елене Глинской содержат Вологодско-Пермская летопись, Летописец Марка Левкеинского и «Повесть о поимании князя Андрея Ивановича Старицкого». Вероятно, авторы трех указанных памятников сочувствовали Андрею Старицкому или были каким-то образом связаны с ним. В Хронографической летописи содержатся намеки на то, что Елена Глинская была институтом, который сдерживал боярский произвол. В то же время в ряде памятников она выступает единым фронтом с боярами (Летописец Марка Левкеинского, Вологодско-Пермская летопись). Некоторые летописцы содержат нейтральные оценки деятельности Елены Глинской (например, краткий Кирилло-Белозерский летописец).

В заключение хотелось бы обратить внимание на одну характерную особенность памятников московского официального летописания. Составители Воскресенской летописи, «Летописца начала царства» и Царственной книги для обоснования прав Елены Глинской на управление государством ссылаются на последнюю волю Василия III. Хронисты отмечают, что умирающий правитель передал ей бразды правления страной. Ни в Повести о смерти Василия III, ни в памятниках частного и регионального летописания о подобных распоряжениях Василия III ничего не сообщается. На наш взгляд, упоминание об указе великого князя относительно передачи власти Елене Глинской не как главе великокняжеского рода, а как главе государства является мистификацией, возникшей уже после смерти правителя. Если бы подобное распоряжение действительно существовало, сведения о нем вышли бы за пределы московского официального летописания. Впервые

сведения о передаче управления страной великой княгине появляются в Воскресенской летописи. «Летописец начала царства» и Царственная книга с некоторыми изменениями повторяют данную концепцию. Возникает вопрос: по каким причинам составитель заключительной части Воскресенской летописи стремился ввести читателей в заблуждение? В поисках ответа на него мы бы хотели обратить внимание на один фрагмент Повести об аресте Андрея Старицкого, читающейся в данном памятнике. Призывая новгородцев присоединиться к демаршу, князь посылает им грамоты с текстом: «Князь велики малъ, а держать государство боаре, и вамъ у кого служить? И вы едте къ мне служить, и язъ васъ радъ жаловати»²⁵³. В данном коротком пассаже следует усматривать своеобразный набросок агитационной программы. Андрей Иванович не упоминает Елену Глинскую как субъект политических отношений и призывает новгородцев выступить против боярства, которое якобы захватило власть в Москве, не имея на то оснований. В контексте настоящего исследования не имеет значения, существовала ли у удельных князей подобная программа и была ли она проработана в достаточной мере. Важно, однако, что московское боярство усматривало в удельных князьях определенную опасность для своего положения. Они понимали, что в случае прихода к власти одного из братьев Василия III произойдет кардинальная перестановка сил при дворе, и положение многих членов боярской думы и их приближенных может пошатнуться. Сложность заключалась еще и в том, что московские вельможи не пользовались абсолютной поддержкой населения²⁵⁴. В сложившейся ситуации боярам было необходимо укрепить свое положение, сделать его легитимным. Знать нуждалась в дееспособном и законном

²⁵³ПСРЛ. Т. 8. С. 294.

²⁵⁴Негативное отношение к боярству отразилось в памятниках частного летописания. Как было отмечено выше, такие памятники, как Летописец Марка Левкеинского и Хронографическая летопись, отзывались о политике московских вельмож резко критически.

правителе, которого можно было бы противопоставить удельным князьям. Елена Глинская являлась единственным человеком, подходившим на данную роль. Великая княгиня, в свою очередь, также нуждалась в поддержке знати. Во-первых, она происходила из семьи, прибывшей на Русь недавно, и ее позиции при дворе были не достаточно крепкими. В случае столкновения с удельными князьями она рисковала остаться без поддержки. Во-вторых, она не обладала достаточным политическим опытом, чтобы принимать те или иные решения без посторонней помощи. Таким образом, между московским боярством и великой княгиней сложился консенсус, который лег в основу государственного порядка, отраженного в Воскресенской летописи. Елена Глинская была провозглашена законной преемницей своего покойного супруга вплоть до совершеннолетия сына. Она должна была править при поддержке бояр и митрополита Даниила. Таким образом, государыня укрепляла позиции при дворе, а знать делала свое положение законным. Удельные князья в рамках данной концепции государственного устройства рассматривались как потенциальные противники, стремившиеся захватить власть в Москве.

Иначе объясняется внимание к персоне Елены Глинской в более позднем «Летописце начала царства». Во-первых, составитель «Летописца» опирался в своих построениях на Воскресенскую летопись, которая, как было отмечено выше, послужила его источником. Во-вторых, следует принять во внимание некоторые реалии политической жизни России в 50-е гг. XVI в. В марте 1553 г. государь Иван Васильевич тяжело заболел. В придворных кругах встал вопрос о возможном наследнике престола. У Ивана и его жены Анастасии недавно родился сын, нареченный Дмитрием. Именно он и должен был унаследовать власть. Однако в придворных кругах его кандидатура устраивала далеко не всех. Власть при царе-«пеленочнике» неизменно оказалась бы у его матери, а через нее – у ее родственников Захарьиных. Последние могли рассматривать

такой исход как залог процветания и могущества на долгие годы. Однако их оппоненты видели в этом угрозу своему политическому положению, а возможно, и физическому существованию. В качестве альтернативной кандидатуры рассматривали двоюродного брата государя – князя Владимира Старицкого. Основным источником, излагающим обстоятельства придворной борьбы марта 1553 г., является пространная скорописная приписка Царственной книги, в которой обозначен личный состав противоборствующих сторон. В историографии по-разному оценивается степень ее исторической достоверности. Так, Д. Н. Альшиц считал, что приписка была внесена в Царственную книгу лично Иваном Грозным и существенно искажает действительную картину событий²⁵⁵. И. И. Смирнов, напротив, высказывал мнение, что рассказ Царственной книги обладает высокой степенью достоверности²⁵⁶. Представляется, что вопрос о том, насколько точно изложены детали тех событий в Царственной книге, не имеет однозначного ответа. Однако сам факт придворной «замятни», спровоцированной разногласиями по поводу наследника престола, кажется вполне реальным. Об этом свидетельствуют две крестоцеловальных Владимира Андреевича, данные царю. В первой записи 1553 г. он клянется в верности царевичу Дмитрию: «А придет Божия воля, возметъ Богъ государя моего царя и великого князя: и мне государя своего царя и великого князя Иванова сына царевича Дмитрия держати въ твое место государя своего царя и великого князя Иванова; а великихъ княжествъ и Казанского царства, и всехъ его государствъ подъ нимъ и подъ царицею великою княгинею Анастасиею блюсти и не обидети, и не вступатися и не подыскивати никакими делы, никоторою хитростию; а быти ми съ нимъ везде за одинь»²⁵⁷. Вторая

²⁵⁵ Альшиц Д. Н. Происхождение и особенности источников, повествующих о боярском мятеже 1553 г. // Исторические записки. 1947. Т. 25. С. 266, 288, 289.

²⁵⁶ Смирнов И. И. Очерки политической истории русского государства 30-50-х годов XVI века. С. 483.

²⁵⁷ СГД. Ч. 1. С. 460—461.

запись была составлена в 1554 г., после гибели Дмитрия. В ней Владимир Старицкий целует крест царевичу Ивану Ивановичу²⁵⁸. В запись 1554 г. была внесена вставка, касающаяся княгини Ефросинии Старицкой: «А по грехомъ мать моя княгини Ефросинья учнетъ мя наводити, и мне матери своеи княгини Ефросиньи ни въ чемъ не слушати, а сказати ми тее речи сыну твоему царевичу Ивану, и его матери вправду, без хитрости. А хотя мя мать моя не учнет наводити на лихо, а взведаю, что мать моя сама захочет которое лихо учинити, или умышляти учнетъ которое лихо надъ сыномъ твоимъ царевичемъ Иваномъ, и над его матерью или над его бояры и дьяки, которые въ твоеи государя нашего душевной грамоте писаны: и мне то лихо матери своеи сказати сыну твоему царевичу Ивану»²⁵⁹. Появление подобной вставки свидетельствует о том, что великий князь сомневался в лояльности Владимира Старицкого и его семьи. С клятвенными формулировками крестоцеловальных записей 1553 г. и 1554 г. хорошо согласуется текст Царственной книги, в котором описана реакция Ефросинии Старицкой на принуждение к крестоцелованию: «И одва князя Володимера принудили крестъ целовати, и целоваль крестъ поневоле. И после того посылають государь ко княгине з грамотою съ целовальною, чтобы велела къ тои грамоте печать княжую привесити, боярина своего князя Дмитрея Федоровича Палетцкого да дьяка своего Ивана Михайлова; и они ко княгине ходили трожды, а она одва велела печать приложити, а говорила: “Что то де за целование, коли невольное?” и много речей бранныхъ говорила»²⁶⁰. В этих исторических условиях формировался текст «Летописца начала царства». Еще Н. Ф. Лавров отметил стремление его составителя подчеркнуть законные права царевича Дмитрия на московский трон, а также обосновать право

регентства его матери, царицы Анастасии. Для достижения поставленной цели в «Летописце» был подчеркнут статус Елены Глинской как государыни и единственной соправительницы Ивана IV²⁶¹. В Лицевом своде сведения о передаче власти великой княгине в соответствии с последней волей Василия III уже были своеобразной данью традиции.

Правление Елены Глинской получило крайне разнообразные и противоречивые оценки в памятниках русской исторической книжности. Одни хронисты прославляли ее, отмечая мудрость и христианское благочестие великой княгини. Другие относились к ней критически, связывая с ее именем репрессии и боярский произвол. Третьи и вовсе не упоминали о ней. Однако именно в годы регентства Елены Глинской закладывались основные противоречия правления Ивана IV. Именно поэтому в русской исторической книжности неоднократно предпринимались попытки осмысления хода и результатов ее краткосрочного правления, которое стало одним из основных сюжетов для русской историографии XVI в.

²⁵⁸ Подробное сравнение обеих крестоцеловальных см.: Смирнов И. И. Очерки политической истории. С. 277—283.

²⁵⁹ СГГД. Ч. 1. С. 464.

²⁶⁰ Летописный сборник, именуемый Патриаршей или Никоновской летописью // ПСРЛ. СПб., 1904. Т. 13. С. 526.

²⁶¹ Лавров Н. Ф. Заметки о Никоновской летописи. С. 89.

Библиография

Источники:

- БАН. 32.14.8. Летописный сборник, именуемый Патриаршей или Никоновской летописью.
БАН. Лукьянов. 241. Духовная грамота Михаила Горбатого Шуйского.
Вологодско-Пермская летопись // ПСРЛ. М., 2006. Т. 26.
ГИМ. Синодальное собр. 183. Царский комплект Великих Миней Четых.
ГИМ. Синодальное собр. 486. Кирилловский II список «Летописца начала царства».
ГИМ. Синодальное собр. 962. Синодальный том Лицевого летописного свода.
ГИМ. Синодальное собр. 997. Успенский комплект Великих Миней Четых.
ГИМ. Синодальное собр. № 149. Царственная книга.
Летописец Еллинский и римский. Т. 1. Текст. СПб., 1999.
Летописец начала царства царя и великого князя Ивана Васильевича. Александро-Невская летопись. Лебедевская летопись // ПСРЛ. М., 1965. Т. 29.
Летописный сборник, именуемый Патриаршей или Никоновской летописью // ПСРЛ. СПб., 1904. Т. 13.
Летописный свод 1497 г. Летописный свод 1518 г. // ПСРЛ. М.; Л., 1963. Т. 28..
Новгородская летопись по списку П. П. Дубровского // ПСРЛ. М., 2004. Т. 43.
Новгородская четвертая летопись // ПСРЛ. Л., 1929. Т. 4. Вып. 3.
Посольские книги по связям России с Ногайской Ордой 1489–1549 гг. Махачкала, 1995.
Постниковский, Пискаревский, Московский и Бельский летописцы // ПСРЛ. М., 1978. Т. 34.
Продолжение летописи по Воскресенскому списку // ПСРЛ. Т. 8. М., 2001.
Псковские летописи. Вып. 1 / приготовил к печати А. Н. Насонов. М.; Л., 1941.
Псковские летописи. Вып. 2 / под ред. А. Н. Насонова. М., 1955.
РГАДА. Ф. 181. Собр. МГАМИД. № 11. Т. 4. Архивский список Летописного свода 1560 г.
РГАДА. Ф. 181. Собр. МГАМИД. № 351/800. Рогозинский летописец.
РГАДА. Ф. 201. Собр. М. А. Оболенского. № 163. Сборник из собрания М. А. Оболенского, содержащий Никоновскую летопись, отрывок Воскресенской летописи за 1521–1541 гг. и «Летописец начала царства» за 1542–1558 гг.
РНБ. F.IV.585. Библиотечный (Публичный) список «Летописца начала царства».
РНБ. Собр. М. П. Погодина. 1564. Конволют, состоящий из различных документов.
Собрание государственных грамот и договоров, хранящихся в Государственной Коллегии иностранных дел. М., 1813. Ч. I.
Собрание государственных грамот и договоров, хранящихся в Государственной Коллегии иностранных дел. М., 1819. Ч. II.
Собрания Свято-Пантелеимонова монастыря на Афоне. № 33. Очин-Плещеевский список «Летописца начала царства».
Софийские летописи // ПСРЛ. СПб., 1853. Т. 6.
СПб ИИ РАН. Колл. Археогр. комм. № 244. Кирилловский I список «Летописца начала царства».
- #### *Литература:*
- Азбелев С. Н. Две редакции Новгородской летописи Дубровского // Новгородский исторический сборник. Вып. 9. Новгород, 1959.
Альшиц Д. Н. Происхождение и особенности источников, повествующих о боярском мятеже 1553 г. // Исторические записки. 1947. Т. 25.
Амосов А. А. Лицевой летописный свод Ивана Грозного: комплексное кодикологическое исследование. М., 1998.
Жуков А. Е. «Летописец начала царства» и Воскресенская летопись // Петербургский исторический журнал. 2016. № 3(11).
Жуков А. Е. «Летописец начала царства» и русское летописание XVI в. Дисс. на соиск. уч. ст. к. и. н. СПб., 2016.

- Жуков А. Е.* К истории текста заключительной части Воскресенской летописи // Вестник Удмуртского университета. Серия: История и филология. Т. 33. Вып. 1. 2023.
- Жуков А. Е.* Летописец начала царства в составе Свода 1560 г. // Вестник СПбГУ. № 4. 2014.
- Назаров В. Д.* Годунова Ирина Федоровна // Большая Российская энциклопедия. Т. 7. М., 2007.
- Забелин И. Е.* Домашний быт русских цариц в XVI и XVII столетиях. Кн. 1. М., 2013.
- Зимин А. А. И. С.* Пересветов и его современники. Очерки по истории русской общественно-политической мысли середины XVI века. М., 1958.
- Зимин А. А.* Княжеские духовные грамоты начала XVI в. // Исторические записки. Т. 27. 1948.
- Зимин А. А.* Краткие летописцы XV–XVI вв. // Исторический архив. № 5. М.-Л., 1950.
- Зимин А. А.* Россия на пороге нового времени. М., 1972.
- Иконников В. С.* Опыт русской историографии. Т. II. Кн. 2. Киев, 1908.
- Иосиф, иером.* Опись рукописей, перенесенных из Библиотеки Иосифова монастыря в Библиотеку Московской духовной Академии // ЧОИДР. Кн. 3. М., 1882.
- Кашитанов С. М.* Очерки русской дипломатики. М., 1970.
- Клосс Б. М.* Никоновский свод и русские летописи XVI–XVII веков. М., 1980.
- Клосс Б. М.* Предисловие к изданию 2000 года // Летопись по Воскресенскому списку. ПСРЛ. Т. 7. М., 2001.
- Кром М. М.* «Вдовствующее царство»: политический кризис в России 30–40-х годов XVI века. СПб., 2010.
- Лавров Н. Ф.* Заметки о Никоновской летописи // Летопись занятий постоянной историко-археологической комиссии за 1926 год. Вып. 1 (34). Л., 1927.
- Левина С. А.* О времени составления и составителе Воскресенской летописи XVI века // ТОДРЛ. Т. XI. М.-Л., 1955.
- Лицевой летописный свод. Научный аппарат к факсимильному изданию рукописи. Приложение. М., 2008.
- Морозов С. А.* Летописные повести по истории России 30–70-х гг. XVI в. Дисс. на соиск. уч. ст. к. и. н. М., 1979.
- Морозов С. А.* Повесть о смерти Василия III и русские летописи // Теория и практика источниковедения и археологии отечественной истории М., 1978.
- Насонов А. Н.* Из истории псковского летописания // ПСРЛ. Т. 5. Вып. 1. Псковские летописи. М., 2003.
- Новгородская летопись по списку П. П. Дубровского // ПСРЛ. М., 2004. Т. 43.
- Новикова О. Л.* Из истории новгородского летописания XVI в.: Новгородская летопись по списку П. П. Дубровского и родственные ей памятники // Очерки феодальной России. Вып. 9. М.; СПб., 2005.
- Платонов С. Ф.* Иван Грозный. Пг., 1923.
- Пресняков А. Е.* Завещание Василия III // Сборник статей по русской истории, посвященных С. Ф. Платонову. Пг., 1922.
- Протасьева Т. Н.* К вопросу о миниатюрах Никоновской летописи (Син. 962) // Летописи и хроники. 1973 г. М., 1974.
- Скрынников Р. Г.* Россия накануне «Смутного времени». М., 1981.
- Скрынников Р. Г.* Царство террора. СПб., 1992.
- Смирнов И. И.* Очерки политической истории русского государства 30–50-х годов XVI века. М.-Л., 1958.
- Тихомиров М. Н.* Записки о регентстве Елены Глинской и боярском правлении 1533–1547 гг. // Исторические записки. Т. 46. 1954.
- Тихомиров М. Н.* Источниковедение истории СССР. Т. I. М., 1940.
- Тихомиров М. Н.* Краткие заметки о летописных произведениях в рукописных собраниях Москвы. М., 1962.

Тихомиров М. Н. Русское летописание. М., 1979.

Шапошник В. В. Повествовательные источники официального происхождения о «мятеже»
Андрея Старицкого 1537 г. // Вестник СПбГУ. Сер. 2. Вып. 3. СПб., 2011.

Шапошник В. В. Придворная борьба в русском государстве 30-х годов XVI века. СПб.,
2020.

Шахматов А. А. О так называемой Ростовской летописи // ЧОИДР. 1904 г. Кн. I. М., 1904.

Шмидт С. О. Продолжение хронографа редакции 1512 года // Исторический архив. Том
VII. М.–Л., 1951.

Юрганов А.Л. Политическая борьба в 30-е годы XVI века // История СССР. № 2. 1988.

Юрганов А.Л. Политическая борьба в годы правления Елены Глинской. М., 2019.

Riß H. Dmitrij F. Belsij // FOG. Bd. 38. Berlin, 1986.

Сведения об авторе

Жуков Артем Евгеньевич, кандидат исторических наук, старший научный сотрудник
НИОР БАН, доцент СЗИУ РАНХиГС, г. Санкт-Петербург (Россия).

E-mail: artemnovgor@inbox.ru

A. E. Zhukov

REPRESENTATION OF POLITICAL INSTITUTIONS IN THE MONUMENTS OF RUSSIAN HISTORICAL LITERATURE OF THE 16TH CENTURY: THE REIGN OF ELENA GLINSKAYA

Annotation: The article discusses the questions of the representation of Elena Glinskaya's reign in the monuments of Russian historical booklore of the 16th century. The author studies the mentions of the great princess in Russian chronicles and historical treatises, which were created at the specified period, as well as analyzes the ideas about the relationship between the public with other political institutions: the Boyar City Duma and the specific princes. The article discusses the appearance of Glinskaya's rule in such monuments as the Story of the death of Vasily III, the Voskresenskaya chronicle, the "Chronicler of the beginning of the kingdom", the Litsevoy svod, the Novgorod chronicle compilation of 1539, the Novgorod chronicle, and others. As a result of the research, the following conclusions were made. Firstly, there is no single opinion on the regency of the great princess in the monuments of Russian historical booklore of the 16th century. Estimates vary from positive to sharply negative. Secondly, in the chronicles of Moscow origin, it emphasizes that Elena received the power immediately after the death of Vasily III in accordance with the last will of the Sovereign. The author recognizes this version as a hoax that originated in the 30-s in the highest circles of Moscow political elite who feared that one of the uncles of the young grand prince Ivan IV (Yury Dmitrovsky or Andrei Staritsky) will come to power in the capital. Moscow boyars did not have universal support which the appanage princes could take advantage of. In order to strengthen its position, the nobles sought to oppose the great princess to them as a competent ruler. In conclusion, the author notes that the Glinskaya's reign became an important chapter of Russian historiography of the 16th century. Due to various reasons, the scribes turned to rethinking the events of the 1530-s even after her death.

Keywords: Elena Glinskaya, Boyar Duma, appanage princes.

References

Sources:

BAN [Library of the Academy of Sciences]. 32.14.8. Letopisnyi sbornik, imenuemyi Patriarshei ili Nikonovskoi letopis'yu. (In Russian).

BAN [Library of the Academy of Sciences]. Luk'yanov. 241. Dukhovnaya gramota Mikhaila Gorbatogo Shuiskogo. (In Russian).

Vologodsko-Permskaya letopis' [Vologda-Perm chronicle]. PSRL. Vol. 26. Moscow, 2006. (In Russian).

GIM [State Historical Museum]. Sinodal'noe sobr. No. 183. Tsarskii komplet Velikikh Minei Chet'ikh. (In Russian).

GIM [State Historical Museum]. Sinodal'noe sobr. No. 486. Kirillovskii II spisok "Letopistsa nachala tsarstva". (In Russian).

GIM [State Historical Museum]. Sinodal'noe sobr. No. 962. Sinodal'nyi tom Litseвого letopisnogo svoda. (In Russian).

GIM [State Historical Museum]. Sinodal'noe sobr. No. 997. Uspenskii komplet Velikikh Minei Chet'ikh. (In Russian).

GIM [State Historical Museum]. Sinodal'noe sobr. No. 149. Tsarstvennaya kniga. (In Russian).

Letopisets Ellinskii i rimskii [The Chronicler of Hellenic and Roman]. Vol. 1. Tekst. St. Petersburg, 1999. (In Russian).

Letopisets nachala tsarstva tsarya i velikogo knyazya Ivana Vasil'evicha. Aleksandro-Nevskaya letopis'. Lebedevskaya letopis' [Chronicler of the beginning of the reign of Tsar and Grand Duke Ivan Vasilyevich]. PSRL. Vol. 29. Moscow., 1965. (In Russian).

Letopisnyi sbornik, imenuemyi Patriarshei ili Nikonovskoi letopis'yu [The chronicle collection, called the Patriarchal or Nikon chronicle]. PSRL. Vol. 13. St. Petersburg, 1904. (In Russian).

Letopisnyi svod 1497 g. Letopisnyi svod 1518 g. [Chronicle code of 1497. The Chronicle code of 1518]. PSRL. Vol. 28. Moscow–Leningrad, 1963. (In Russian).

Novgorodskaya letopis' po spisku P. P. Dubrovskogo [Novgorod Chronicle according to the list of P. P. Dubrovsky]. PSRL. Vol. 43. Moscow, 2004. (In Russian).

Novgorodskaya chetvertaya letopis' [Novgorod Fourth Chronicle]. PSRL. Vol. 4. Issue 3. Leningrad, 1929. (In Russian).

Posol'skie knigi po svyazyam Rossii s Nogaiskoi Ordoi 1489–1549 gg. [Embassy books on Russia's relations with the Nogai Horde 1489–1549]. Makhachkala, 1995. (In Russian).

Postnikovskii, Piskarevskii, Moskovskii i Bel'skii letopistsy [Postnikovsky, Piskarevsky, Moskovsky and Belsky chroniclers]. PSRL. Vol. 34. Moscow, 1978. (In Russian).

Prodolzhenie letopisi po Voskresenskomu spisku [Continuation of the chronicle on the Resurrection List]. PSRL. Vol. 8. Moscow, 2001. (In Russian).

Pskovskie letopisi [Pskov chronicles]. Iss. 1 / print prepar. by A. N. Nasonov. Moscow–Leningrad, 1941. (In Russian).

Pskovskie letopisi [Pskov chronicles]. Iss. 2 / print prepar. by A. N. Nasonov. Moscow, 1955. (In Russian).

RGADA [Russian State Archive of Ancient Acts]. F. 181. Sobr. MGAMID. No. 11. Vol. 4. Arkhivskii spisok Letopisnogo svoda 1560 g. (In Russian).

RGADA [Russian State Archive of Ancient Acts]. F. 181. Sobr. MGAMID. No. 351/800. Rogozinskii letopisets. (In Russian).

RGADA [Russian State Archive of Ancient Acts]. F. 201. Sobr. M. A. Obolenskogo. No. 163. Sbornik iz sobraniya M. A. Obolenskogo, sodержashchii Nikonovskuyu letopis', otryvok Voskresenskoj letopisi za 1521–1541 gg. i "Letopisets nachala tsarstva" za 1542–1558 gg. (In Russian).

RNB [Russian National Library]. F.IV.585. Bibliotechnyi (Publichnyi) spisok "Letopistsa nachala tsarstva". (In Russian).

RNB [Russian National Library]. Sobr. M. P. Pogodina. 1564. Konvolyut, sostoyashchii iz razlichnykh dokumentov. (In Russian).

Sobranie gosudarstvennykh gramot i dogovorov, khranyashchikhsya v Gosudarstvennoi Kollegii inostrannykh del [Collection of state charters and contracts kept in the State Collegium of Foreign Affairs]. P. I. Moscow, 1813. (In Russian).

Sobranie gosudarstvennykh gramot i dogovorov, khranyashchikhsya v Gosudarstvennoi Kollegii inostrannykh del [Collection of state charters and contracts kept in the State Collegium of Foreign Affairs]. P. II. Moscow, 1819. (In Russian).

Sobraniya Svyato-Panteleimonova monastyrya na Afone. No. 33 [Meetings of the St. Panteleimon Monastery on Mount Athos No. 33]. Ochin-Pleshcheevskii spisok "Letopistsa nachala tsarstva". (In Russian).

Sofiiskie letopisi [Sofia Chronicles]. PSRL. Vol. 6. St. Petersburg, 1853. (In Russian)

SPb II RAN [St. Petersburg Institute of History of the Russian Academy of Sciences]. Coll. of Arkheogr. comm. No. 244. Kirillovskii I spisok "Letopistsa nachala tsarstva". (In Russian).

Researches:

Azbelev S. N. Dve redaktsii Novgorodskoi letopisi Dubrovskogo [Two editions of the Novgorod chronicle of Dubrovsky]. Novgorodskii istoricheskii sbornik. Iss. 9. Novgorod, 1959. (In Russian).

Al'shich D. N. Proiskhozhdenie i osobennosti istochnikov, povestvuyushchih o boyarskom myatezhe 1553 g. [The origin and features of sources telling about the Boyar rebellion of 1553]. Istoricheskie zapiski. Vol. 25. 1947. (In Russian).

Amosov A. A. Litsevoi letopisnyi svod Ivana Groznogo: kompleksnoe kodikologicheskoe issledovanie [The facial chronicle of Ivan the Terrible: a comprehensive codicological study]. M., 1998. (In Russian).

Zhukov A. E. "Letopisets nachala tsarstva" i Voskresenskaya letopis' ["Chronicler of the beginning of the Kingdom" and the Resurrection Chronicle]. Peterburgskii istoricheskii zhurnal. No. 3 (11). 2016. (In Russian).

Zhukov A. E. "Letopisets nachala tsarstva" i russkoe letopisanie XVI v. ["Chronicler of the beginning of the Kingdom" and the Russian chronicle of the XVI century]. Diss. ...of cand. of Hist. Sciences. St. Petersburg, 2016. (In Russian).

Zhukov A. E. K istorii teksta zaklyuchitel'noi chasti Voskresenskoii letopisi [On the history of the text of the final part of the Voskresenskaya Chronicle] Vestnik UdGU. Vol. 33. Issue 1. 2023. (In Russian).

Zhukov A. E. Letopisets nachala tsarstva v sostave Svoda 1560 g. [Chronicler of the beginning of the kingdom as part of the Code of 1560]. Vestnik SPbGU. No. 4. 2014. (In Russian).

Zabelin I. E. Domashnii byt russkikh tsarits v XVI i XVII stoletiyakh [The domestic life of Russian tsarines in the XVI and XVII centuries]. Book. 1. Moscow, 2013. (In Russian).

Zimin A. A. I. S. Peresvetov i ego sovremenniki. Ocherki po istorii russkoi obshchestvenno-politicheskoi mysli serediny XVI veka [I. Peresvetov and his contemporaries. Essays on the history of Russian socio-political thought in the middle of the XVI century]. Moscow, 1958. (In Russian).

Zimin A. A. Knyazheskie dukhovnye gramoty nachala XVI v. [Princely spiritual letters of the beginning of the XVI century]. Istoricheskie zapiski. Vol. 27. 1948. (In Russian).

Zimin A. A. Kratkie letopistsy XV–XVI vv. [Brief chroniclers of the XV–XVI centuries]. Istoricheskii arkhiv. No. 5. Moscow–Leningrad, 1950. (In Russian).

Zimin A. A. Rossiya na poroge novogo vremeni [Russia on the threshold of a new time.]. Moscow, 1972. (In Russian).

Ikonnikov V. S. Opyt russkoi istoriografii [The Experience of Russian historiography]. Vol. II. Book 2. Kiev, 1908. (In Russian).

Iosif, ierom. Opis' rukopisei, perenesennykh iz Biblioteki Iosifova monastyrya v Biblioteku Moskovskoi dukhovnoi Akademii [Inventory of manuscripts transferred from the Library of the Joseph Monastery to the Library of the Moscow Theological Academy. CHOIDR. Book. 3. Moscow, 1882. (In Russian).

Kashtanov S. M. Ocherki russkoi diplomatiki [Essays of Russian diplomacy]. Moscow, 1970. (In Russian).

Kloss B. M. Nikonovskii svod i russkie letopisi XVI–XVII vekov [The Nikon Code and Russian Chronicles of the XVI–XVII centuries]. Moscow, 1980. (In Russian).

Kloss B. M. Predislovie k izdaniyu 2000 goda [Preface to the 2000 edition]. *Letopis' po Voskresenskomu spisku*. PSRL. Vol. 7. Moscow, 2001. (In Russian).

Krom M. M. “Vdovstvuyushchee tsarstvo”: politicheskii krizis v Rossii 30–40-kh godov XVI veka [“The Dowager Kingdom”: the political crisis in Russia of the 30–40s of the XVI century]. St. Petersburg, 2010. (In Russian).

Lavrov N. F. Zametki o Nikonovskoi letopisi [Notes about Nikon chronicle]. *Letopis' zanyatii postoyannoi istoriko-arkheograficheskoi komissii za 1926 god*. Iss. 1 (34). Leningrad, 1927. (In Russian).

Levina S. A. O vremeni sostavlenii i sostavitele Voskresenskoi letopisi XVI veka [About the time of the compilation and compiler of the Voskresenskaya Chronicle of the 16th century]. TODRL. Vol. XI. Moscow–Leningrad, 1955. (In Russian).

Litsevoi letopisnyi svod. Nauchnyi apparat k faksimil'nomu izdaniyu rukopisi. Prilozhenie [The front chronicle vault. Scientific apparatus for the facsimile edition of the manuscript. Appendix]. Moscow, 2008. (In Russian).

Morozov S. A. Letopisnye povesti po istorii Rossii 30–70-kh gg. XVI v. [Chronicle stories on the history of Russia in the 30-70s of the XVI century]. Diss. ...cand. of Hist. Sciences. Moscow, 1979. (In Russian).

Morozov S. A. Povest' o smerti Vasiliya III i russkie letopisi [The Tale of the death of Vasily III and the Russian Chronicles]. *Teoriya i praktika istochnikovedeniya i arkheografii otechestvennoi istorii*. Moscow, 1978. (In Russian).

Nazarov V. D. Godunova Irina Fedorovna [Godunova Irina Fedorovna]. *Bol'shaya Rossiiskaya entsiklopediya*. Vol. 7. Moscow, 2007. (In Russian).

Nasonov A. N. Iz istorii pskovskogo letopisaniya [From the history of the Pskov chronicle]. PSRL. Vol. 5. Iss. 1. Pskovskie letopisi. Moscow, 2003. (In Russian).

Novikova O. L. Iz istorii novgorodskogo letopisaniya XVI v.: Novgorodskaya letopis' po spisku P. P. Dubrovskogo i rodstvennye ei pamyatniki [From the history of the Novgorod chronicle of the XVI century: The Novgorod Chronicle according to the list of P. P. Dubrovsky and related monuments]. *Ocherki feodal'noi Rossii*. Iss. 9. Moscow–St. Petersburg, 2005. (In Russian).

Platonov S. F. Ivan Groznyi [Ivan the Terrible]. Petrograd, 1923. (In Russian).

Presnyakov A. E. Zaveshchanie Vasiliya III [The Testament of Vasily III]. *Sbornik statei po russkoi istorii, posvyashchennykh S. F. Platonovu*. Petrograd, 1922. (In Russian).

Protas'eva T. N. K voprosu o miniatyurakh Nikonovskoi letopisi (Sin. 962) [On the question of miniatures of the Nikon Chronicle (Syn. 962)]. *Letopisi i khroniki*. 1973 god. Moscow, 1974. (In Russian).

Skrynnikov R. G. Rossiya nakanune “Smutnogo vremeni” [Russia on the eve of the “Time of Troubles”]. Moscow, 1981. (In Russian).

Skrynnikov R. G. Tsarstvo terrora [The Reign of Terror]. St. Petersburg, 1992. (In Russian).

Smirnov I. I. Ocherki politicheskoi istorii russkogo gosudarstva 30–50-kh godov XVI veka [Essays on the Political history of the Russian state in the 30–50s of the XVI century]. Moscow–Leningrad, 1958. (In Russian).

Tikhomirov M. N. Zapiski o regentstve Eleny Glinskoi i boyarskom pravlenii 1533–1547 gg. [Notes on the regency of Elena Glinskaya and the boyar rule of 1533–1547]. *Istoricheskie zapiski*. Vol. 46. 1954. (In Russian).

Tikhomirov M. N. Istochnikovedenie istorii SSSR [Source studies of the history of the USSR]. Vol. I. Moscow, 1940. (In Russian).

Tikhomirov M. N. Kratkie zametki o letopisnykh proizvedeniyakh v rukopisnykh sobraniyah Moskvyy [Brief notes on chronicle works in the manuscript collections of Moscow]. Moscow, 1962. (In Russian).

Tikhomirov M. N. Russkoe letopisanie [Russian Chronicle]. Moscow, 1979. (In Russian).

Shaposhnik V. V. Povestvovatel'nye istochniki ofitsial'nogo proiskhozhdeniya o “myatezhe” Andrey Staritskogo 1537 g. [Narrative sources of official origin about the “mutiny” of Andrei Staritsky in 1537]. *Vestnik SPbGU*. Ser. 2. Iss. 3. St. Petersburg, 2011. (In Russian)

Shaposhnik V .V. Pridvornaya bor'ba v russkom gosudarstve 30-kh godov XVI veka [Court struggle in the Russian state of the 30-s of the XVI century]. St. Petersburg, 2020. (In Russian).

Shakhmatov A. A. O tak nazyvaemoi Rostovskoi letopisi [About the so-called Rostov Chronicle]. CHOIDR. 1904 god. Book I. Moscow, 1904. (In Russian).

Shmidt S. O. Prodolzhenie khronografa redaktsii 1512 goda [Continuation of the chronograph edited in 1512]. Istoricheskii arkhiv. Vol. VII. Moscow–Leningrad, 1951. (In Russian).

Yurganov A. L. Politicheskaya bor'ba v 30-e gody XVI veka [Political struggle in the 30s of the XVI century. Istoriya SSSR. No. 2. 1988. (In Russian).

Yurganov A. L. Politicheskaya bor'ba v gody pravleniya Eleny Glinskoï [Political struggle during the reign of Elena Glinskaya]. Moscow, 2019. (In Russian).

Riß N. Dmitriy F. Belskij [Dmitriy F. Belskiy]. FOG. Bd. 38. Berlin, 1986. (In German).

About the author

Zhukov Artem E., PhD in History, senior researcher of the Library of the Russian Academy of science, docent of RANEPА, St. Petersburg (Russia).

E-mail: artemnovgor@inbox.ru